

Александр Рудазов



СЫН АРХИДЕМОНЫ



Мудрый яцхен смеется до последнего!

Яцхен

Александр Рудазов

Сын архидемона

«Автор»

2011

Рудазов А. В.

Сын архидемона / А. В. Рудазов — «Автор», 2011 — (Яцхен)

ISBN 978-5-9922-1023-1

Когда-то в мире было много яцхенов. Теперь остался один-единственный – Олег, сын архидемона Лаларту. Пережив множество приключений, пройдя через смерть, побывав человеком и демоном, он по-прежнему остается самим собой... пытается, во всяком случае. Мы оставили Олега на Земле-1691, в Ватикане – именно там он наконец победил кошмарного Пазузу и повстречался с еще более кошмарным Ррогалдроном. Столь многое пережив, Олег надеялся наконец-то осесть в тихой гавани, пожить немного спокойно... Ага, сейчас.

ISBN 978-5-9922-1023-1

© Рудазов А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Рудазов

Сын архидемона

Объект ЯЦХЕН. Искусственно созданное существо. Степень опасности – красная. Отличается невероятной агрессивностью, атакует всех и каждого в пределах видимости, бьет насмерть. Хорошо сопротивляется большинству известного оружия, но может быть остановлен мощным электрическим разрядом. Адекватно оценить разумность невозможно. В случае освобождения немедленно уничтожить любыми способами вплоть до чрезвычайных.

Выписка из дела № 342-40b

Хигйджайя кошмарны обликом, крылаты, хвостаты, трехглазы и шестируки, питаются человеческим мясом и никогда не оставляют в покое человека, единожды избранного Ими в качестве добычи. Лишь очень сильная магия способна оградить от Их ужасных когтей и зубов, но даже сильнейшие из кудесников не способны совладать с Прародителем всех хигйджайя Ноденсом, ибо мощь Его безгранична.
Из Книги Червя.

Глава 1

Я медленно шел по коридору. Когти чуть слышно цокали по полу, все три глаза смотрели в разные стороны, хвост с ядовитой колючкой извивался буквой «S».

Я ждал. Ждал, когда услышу шорох, увижу движение. Чувство Направления ясно говорило, что тварь где-то совсем рядом – затаилась в тених и тоже ждет. Этой темной ноябрьской ночью под кровлей старого замка Цератуш друг за другом охотятся два монстра, и один из них – я.

Замок Цератуш находится на западе Молдавии, на границе с Трансильванией и Малой Валахией. Местечко тут очень живописное – если вам нравятся горы и леса, конечно. Лично я предпочитаю пляж с кокосовыми пальмами, но кого в этом мире волнует мнение яцхена?

Так вот, о чем это я. Отвлечся, простите. Отвлечся... кхххххх!..

Тварь вылетела из какой-то темной дыры, врезаясь в меня всем телом. Яцхен – зверь могучий, но весит мало, так что я отлетел в сторону, складываясь пополам, как циркуль. Моего противника боженька тоже силищей не обделил – вон он как раз вздымает над головой булдыган центнера этак в три... йеееее!..

Я увернулся. В мгновение ока перенесся на восьмереньки и зашкрябал по полу, уклоняясь от тяжелой каменюки. На бледной роже твари отразилась досада.

– Моя очередь, – оскалился я, отталкиваясь всеми лапами.

Теперь уже противник отлетел к стене, а я заработал когтями, перемалывая его в фарш. Крови из этого ушастого уродца не вылилось ни капли – мясо сухое, словно полгода вялилось на солнце.

Мои когти мелькали с такой частотой, что я сам с трудом их различал. Любой другой на месте этой твари уже давно бы сдох. Но чертов упырь... его раны срастались в доли секунды. С тем же успехом я мог бы шинковать комок геля.

Так продолжалось секунд десять. Зубы упыря часто клацали, лысая башка с силой кололась о стену. А потом пара бледных рук взметнулась кверху, хватая меня за верхние запястья... и ломая их на хрен! Черт, какая же все-таки силища!

Впрочем, моя регенерация оказалась не намного хуже. Упырь только собрался перейти к другой паре рук – а я уже снова заработал всеми шестью.

Тогда он досадливо рявкнул и просто толкнул меня что есть мочи. Мной вновь как будто выстрелили из пушки – я отлетел и впечатался в стену, сползая по ней раздавленным насекомым.

– Твою ж мать... – прохрипел я, собирая глаза в кучку.

– Да что тебе от меня нужно?! – прошипел хозяин замка, с шумом втягивая воздух. Две рваные дыры на месте носа гневно раздувались, из левой ноздри на миг высунулся червяк. – Я же тебя не трогал! В тебе даже крови нет!.. съедобной, я имею в виду.

– Тут ничего личного, – заверил я, подымаясь на ноги. – Мне просто людей жалко. Ты же их харчишь почему зря.

– В этом тоже нет ничего личного! – возмутился хозяин замка. – Ты не понимаешь! Я вампир, я не могу без крови! Если я не буду пить человеческую кровь, то умру!

– Клопы тоже. Но это не значит, что я им сочувствую.

Мы пару секунд мерили друг друга злыми взглядами. Поганый вампирюга как-то странно выгнулся – не иначе, приготовился взлететь. Я на всякий случай тоже расправил крылья.

Взлетать упырь не стал. Вместо этого он вдруг раздулся, почернел и расточился жирным дымом. Весь зал заполнился вонючими клубами – запаха я не чувствовал, но догадывался. Газообразный монстр охватил меня тесными объятиями, лишая воздуха, проникая в пасть, пытаясь задушить.

Это бы сработало, будь на моем месте кто-нибудь, кто дышит. Я же только матюкнулся, размышляя, как мне драться дальше. Даже миллион самых острых когтей бесполезен против дымного облака. Мы с вампиром оказались в патовой ситуации.

– Эх, пылесос бы сюда... – вздохнул я.

Пылесоса у меня не было. После прошлого раза я предложил быстренько сгонять за ним в другой мир, но начальство идею не оценило. Они тут по старинке привыкли работать, не дошла еще до них научно-техническая революция.

Поэтому вместо пылесоса я начал втягивать дым сам – пастью. Много втянуть не смог, но вампиру это все равно не понравилось – кажется, он забоялся, что ко мне в брюхо попадет его палец, язык или еще какая-нибудь мелкая, но важная деталь.

Так или иначе, он снова обернулся человеком. Если это чудище можно так назвать, конечно. Плюгавый, лысый, с остроконечными ушами, кривыми длинными зубами, отвалившимся носом и жутко слезящимися глазами. Я и не знал, что у нежити они могут слезиться.

– Что тебе от меня нужно? – устало повторил вампир. – Ты же демон. Зачем тебе-то в это лезть?

– Во-первых, я не демон, а заботливый мишка, – поправил я. – У меня и сердечко на пузе есть, просто под одеждой не видно. А во-вторых – ви что-то таки имеете против демонов? Это дискриминация, между прочим.

– Дискриминация?! – прошипел вампир. – Я мог бы многое рассказать тебе о дискриминации! Мой народ подвергается ей с начала времен! Никто и никогда не пытался нас понять – вместо этого нам предпочитали отрубать головы, пронзать нас кольями, насаживать серебром!..

– Я сейчас прямо зарыдаю, – скривился я, бросаясь в атаку.

Вампир даже не шелохнулся. Он лишь брезгливо поморщился и процедил:

– Ты что, до сих пор ничего не понял? Сколько бы ты меня ни кромсал, это бесполезно! Ты не можешь меня убить!

– А с чего ты взял, что тебя убью я?

Сказав это, я сомкнул хватку. Все шесть рук сцепились за спиной вампира прочной решеткой, все сорок два когтя вонзились в ледяную плоть мертвеца. И в то же время из темного

прохода появились те, кого я ждал – девять человек в белых доминиканских рясах с капюшонами.

– Держи его! – скомандовал самый главный. – Держи его крепче, тварь!

Восемь монахов стремглав заняли позиции вокруг нас с вампиром, выхватили четки с крестиками и забормотали молитву. Девятый медленно пошел вперед – и вот при виде него вампир в панике заметался. Он явно не ждал сегодня испанскую инквизицию.

Кровосос попытался вырваться – но я вцепился в него так, словно хотел никогда не расставаться. Он попытался взлететь вместе со мной – но я вонзил когти ног глубоко в пол. Он попытался снова превратиться в дым – но отовсюду текла молитва, лишаящая вампира сверхъестественных сил.

И тогда он тоскливо завыл.

Торквемада подошел к нам вплотную. Из левого рукава показалась черная как головешка кисть. Великий инквизитор возложил ее на плешивую бошку вампира, и тот закричал еще страшнее, забился так, что я с трудом его удержал.

– Когда-то ты был человеком, Кароль Круду, – сурово произнес Торквемада. – Не желаешь ли принять покаяние?

– Засунь его себе вфффхххххххххх... – просипел вампир, рассыпаясь пеплом.

Монахи спрятали четки и разомкнули строй. Двое из них собрали оставшийся от вампира пепел, вынесли наружу и развеяли по ветру. Торквемада сухо кивнул мне и неохотно процедил:

– Ты хорошо потрудился, брат Олег.

Мы еще на некоторое время задержались в замке Цератуш. Торквемада со своими доминиканцами обыскивал подвалы – искал черную магию и прочую крамолу. Я же, как ничего в этом не понимающий, просто таскался следом, грызя черствую булку.

Эти восемь монахов – личный отряд Торквемады. Элитные борцы с нечистью и черными колдунами. Брат Харольд, брат Йозеф, брат Леонтъен, брат Пиррос, брат Давид, брат Дорандо, брат Ханс и брат Юхан. Первоклассные охотники и экзорцисты со всех концов Европы, лучшие из лучших. Возглавляемые смиренным братом Томмазо, они могут завалить даже архидемона.

Особенно теперь, когда к ним присоединился еще и я, брат Олег. Я ведь с некоторых пор тоже монах ордена святого Доминика. Самый, пожалуй, необычный монах в мире – трехглазый, шестирукий, с крыльями и хвостом.

Звучит невероятно, но я действительно вступил в ряды инквизиции. Пока что, правда, на испытательном сроке – нахожусь в послушничестве у смиренного брата Томмазо. Как бы стажер. Добрый дедушка Торквемада вполне оценил меня в качестве рабочего инструмента. Я полезный. Эффективный. И благочестивый. А что рожей не слишком удался, так это дело десятое. Торквемада и сам страшен, как смертный грех.

Не могу сказать, что это та работа, о которой я мечтал с детства, но надо же куда-то себя приткнуть. На Девяти Небесах мне больше делать нечего, в Лэнге тем более, а опять прыгать по мирам не хочется. Куда, зачем? Здесь у меня хотя бы друзья есть.

Прошло четыре с лишним месяца после битвы с шатирами и три с половиной – с тех пор, как дотембрийская делегация покинула Ромецию. Впрочем, от делегации осталось совсем немного – кардинал дю Шевуа и Аурэлиэль.

Кстати, эльфийка так и не простила мне необдуманных слов. Или просто воспользовалась этим поводом, чтобы разорвать отношения. Не знаю точно, но до самого расставания она старалась меня избегать, а если не удавалось – разговаривала сухо, односложно и только по делу. Печально, но ничего не поделаешь. Незачем себя обманывать – у нас бы с ней все равно ничего не получилось. Она из страны эльфов, а я из страны монстров. Граница на замке, а ключ расплавлен.

Закончив обыскивать вампирячий замок, Торквемада скомандовал отбой. Когда мы вышли наружу, на востоке уже занималась заря. В этом нежно-розовом свете наш отряд спу-

стился по узенькой тропинке к подножию скалы – здесь разместилась крохотная деревенька Крудуешти, вотчина князя Круду. Почтенный патриарх прожил в своем замке больше тысячи лет и числился кем-то вроде некоронованного царя восточноевропейских вампиров. Его уже раз десять убивали разными способами, но он всегда возвращался. На редкость неугомонный старикашка.

Как я уже сказал, сейчас мы в Молдавии, на полевых работах. В этой стране последние годы никакого порядка – каждый делает что хочет, всем заправляют мелкопоместные князья. Нынешнему господарю Молдавскому шестнадцать лет, и он грезит созданием Великой Молдавии от Италийского озера до Колхидского. Хочет собрать под своей рукой Венгрию и Трансильванию, Галицию и Буковину, Лигурию и Черногорию, Валахию и Малую Валахию... такая невинная детская мечта. А архиепископу Молдавскому уже восемьдесят семь, он практически оглох и каждое утро на полном серьезе пишет письма в Голюс – упрекает демонов за их ужасные злодеяния и призывает одуматься. Ответа пока что не получал.

В Крудуешти нас приняли радушно, гостеприимно, но улыбки на лицах были какими-то вымученными. Седоусый батька Лукаш, испокон веку сидящий в этой деревне старостой, выслушал известие о гибели князя без особой радости, даже с некоторым огорчением. Кароль Круду, будучи рачительным хозяином, никогда не охотился возле дома, поэтому деревня при нем жила спокойно, как прилипла на акульем брюхе. Разбойники и нечисть обходили земли князя десятой дорогой, оброками он крестьян не душил, работать на себя не заставлял, девок местных не портил, трапезничать летал куда-то за горизонт... чего б не жить? А теперь на его место придет кто-то другой, и неизвестно, будет ли лучше.

С куда большим воодушевлением староста отнесся к тому, что мы покинем Крудуешти уже сегодня, сразу после обеда. Мы бы ушли прямо сейчас, но Торквемада решил на всякий случай осмотреть и деревню – мало ли что тут сыщется? Инквизитор везде ересь найдет.

Монахи, даже не позавтракав, встали на утреннюю молитву. Торквемада же извлек откуда-то из рукава толстую разлинованную тетрадь и принялся делать отметки.

– Это был девятнадцатый, – сурово произнес он. – Самый могучий и самый последний. План по вампирам мы в этом году выполнили успешно.

– И ведь ни одна гнида не захотела покаяться! – посочувствовал ему я. – Ни Грошич, ни Кратцер, ни Кристинка Божик... вообще никто!

– Каждый обладает правом на свободный выбор.

– А тех, кто выбирает неправильно, мы сжигаем, – поддакнул я.

– По-моему, отличная система, – недовольно покосился на меня великий инквизитор. – Ты вот можешь предложить что-нибудь лучше костра, тварь?

– Дихлофос.

– Это звучит, как имя какого-то демона.

– Ну извините, что огорчил, Лаврентий Палыч. Что у нас там дальше по списку?

– Пойдем на север, в Славонию. Мне поступило донесение, что там завелась весьма сильная ведьма.

– Жечь будете?

– Буду.

– А если она добрая?

– Тогда я оболью дрова маслом, чтобы она сгорела быстро. Мне тоже не чуждо милосердие, тварь.

– Да вы вообще душа-человек, Лаврентий Палыч.

Торквемада неодобрительно покачал головой. Его раздражает мое легкомыслие. Мои вечные идиотские шуточки, мое ерничанье по поводу и без повода, всякие странные словечки, которые я постоянно вворачиваю в разговор... Первое время Торквемада меня одергивал, потом смирился и стал просто пропускать все излишнее мимо ушей.

Допрашивая еретиков, он весьма поднаторел в этом искусстве.

– До обеда можешь отдыхать, тварь, – неохотно отпустил меня Торквемада. – Но не забывай молиться.

Разумеется, как же иначе. Поплотнее закутавшись в рясу, я отправился бродить по деревне – искать, кого бы перекусить. Остальные монахи тоже все разбрелись – никого не вижу, только Направлением чувствую.

Хотя нет, вон под деревом пристроился брат Юхан с клещами. Лечит местному больному зуб. Пациент сидит ни жив ни мертв – наверняка уже жалеет, что попросил о помощи святую инквизицию. Конечно, орден святого Доминика в вырывании зубов толк знает... только обычно они выдирают их все – один за другим, по очереди.

– Именем Божиим, приступаем к удалению зла, – сурово произнес брат Юхан, налагая клещи на зуб.

– Ы-ы... святой отец, а больно не будет? – жалостливо простонал крестьянин.

– Будет, сын мой, будет. Будет очень больно. Через страдания, через мучения, придем мы... к свету!

– А-а-а-а!!! – взвыл пациент, хватаясь за щеку.

– Уже все, – продемонстрировал крошечный белый комочек инквизитор. – Дьявол покинул тебя, сын мой. Вот, подержи во рту освященное вино, а потом глотай.

Кстати, говорили они по-молдавски. Или по-венгерски – я уже запутался в здешних наречиях. Их тут до хрена и больше – в каждой деревеньке свое. Первоначально я вообще не понимал ни слова, но понемногу начал приспособливаться и теперь суть вполне улавливаю. Через два слова на третье, о половине так вовсе догадываюсь, но все же могу нормально понимать.

Вообще, самый лучший способ учить языки – побольше болтаться среди их носителей. А мы вот уже почти три месяца без усталости мотаемся по Восточной Европе, среди Карпатских гор. Путешествовать в Средневековье оказалось плевым делом. Конечно, в этом мире нет быстрого транспорта – только пешком, верхом или на корабле – зато нет и бессмысленной бюрократии. В большинстве стран не нужны ни визы, ни паспорта, ни вообще документы. Езжай куда хочешь.

Нет и особых проблем с финансами – на протяжении всего пути можно ночевать просто в гумне или странноприимном доме. Монашеские ордена содержат их целую кучу – особенно вдоль маршрутов паломников. Столоваться можно в многочисленных монастырях – разносолов там не предложат, но миску супа и краюху хлеба дадут всегда.

В крайнем случае можно просить подаяние. Нищенство тут не считается постыдным – даже благородный рыцарь не погнушается протянуть руку, если в кармане гуляет ветер. А вот я, наверное, все-таки не смогу – смирение смирением, но внутри все протестует при одной мысли. Другой менталитет.

Впрочем, Торквемаде столь унижительные методы не требуются. Он и его команда – люди неприязнательные. Спят на голой земле, питаются подножным кормом, из имущества у каждого только четки да Библия. А если уж совсем жрать нечего, Торквемада подходит к первому встречному толстосуму и просит оказать услугу простому великому инквизитору.

Пока что никто не отказывал. Добрый здесь народ живет.

Кстати насчет жрать нечего. Есть уже хочется довольно сильно. Я, в отличие от братьев-монахов, питаюсь не только медом и акридами – меня такая диета живо в могилу сведет. На каждой остановке шарюсь вокруг, охочусь на всякую бегающую и летающую живность, рыбку ловлю. Доминиканцам тоже каждый раз предлагаю, но они обычно отказываются, блудут... чего-то там.

В деревнях, конечно, дичи небогато – разве что ворону какую изловишь или крысу. Зато домашний скот – ну буквально на каждом шагу. Я быстренько облюбывал симпатичного жирного поросенка, подозвал настороженно глядящего на меня мужичка, сунул ему пару серебряных талеров и попросил:

- Зажарь мне этого поросеночка, добрый человек. Очень уж он мне приглянулся.
- Но как же, святой отец, сегодня же постный день... – растерялся добрый человек.

Я позыркал вокруг, проверяя, нет ли поблизости Торквемады, потом размашисто перекрестил свинку и возвестил:

– Именем Божьим, сие порося да обратится в карася. Зажарь мне эту рыбку, добрый человек.

Мужичок понимающе кивнул, покрепче сжал серебряки и поволок поросенка на задний двор. Я почувствовал, как во рту начинает скапливаться слюна.

– Перекусим, а, Рабан? – жизнерадостно прохрипел я.

– Твой уровень голода пока что приемлем, патрон, – заметил мой мозговой паразит. – Ты еще часа три можешь ничего не есть, не испытывая неприятных ощущений.

– А твой уровень занудства, как всегда, под потолком.

Да, разумеется, Рабан по-прежнему со мной. Куда ж он денется? По-прежнему дает мне дурацкие советы, рассказывает всякую нудятину, комментирует погоду и перебрасывает меня между мирами... хотя этого он не делал уже почти полгода. После побега из Лэнга и ухода с Девяти Небес я ни разу не покидал Землю-1691. Подумываю о том, чтобы остаться здесь навсегда. А что? Свежий воздух, много хороших знакомых, связи в верхах, интересная работа – что еще нужно для жизни? Девушку бы неплохо, конечно, но я реалист, я понимаю, что таких извращенок на свете не водится.

А если вдруг и сыщется – нафиг она мне нужна, дура ненормальная? Еще ножиком пырнет.

Хотя ножиком меня многие пыряют.

В ожидании жареной сви... рыбы я устроился на небольшом пригорке за деревней. Сейчас бы пивка еще. К рыбе – самое оно.

За неимением пива я принялся повторять урок. Торквемада заставляет меня каждый день заучивать новую молитву и прочитывать ее вслух ни много ни мало – пятьдесят раз. Просто потому, что я демон. Вначале я протестовал и отлынивал, потом понемногу привык. Все равно заняться больше особо нечем.

– Господь, пастырь мой... – забормотал я. – Господь, пастырь... блин, забыл, как там дальше.

Открыв молитвенник на заложенной закладкой странице, я еще два раза прочитал сегодняшний урок и собирался начать в третий, когда во внутреннем кармане что-то заскребло. Я достал порядком задолбавший меня за эти месяцы ковчежец и устало спросил:

– Чего тебе, жертва аборта?

– Эй, шестирукий, ты там? – послышался приглушенный голос Пазузу.

– Я-то там. А ты здесь. Хули ты меня опять перебиваешь, а? Что за манеру взял постоянно лезть под руку? Не отвлекай от душевспасительной молитвы, демон.

– Ты тоже демон.

– Вот я сейчас и пытаюсь что-то с этим сделать. А ты меня отвлекаешь по пустякам.

– Выпусти, а? – заладил старую песню Пазузу. – Договоримся по-хорошему...

– По-хорошему у нас с тобой не выйдет. Ты это только сейчас смиренный, пока в камере.

А на воле опять беспредельщиком станешь.

– Я клятву дам.

– Ну тебя нафиг, – отказался я. – Не хочу я с этим связываться. Знаю я вашего брата – обязательно где-нибудь подянку приготовишь.

Пазузу недовольно заворчал. Я взвесил на правой средней руке ковчежец и сказал:

– Кстати, все забываю спросить. За каким хреном у тебя на компьютере та игра была? «Диябла», что ли?..

– Забавно было поиграть время от времени, – приглушенно усмехнулся Пазузу. – Попробовать себя в роли истребителя демонов. Так смешно было.

– Дураку все смешно...

Я подбросил ковчежец в воздух и задумался. Битых четыре месяца таскаю Пазузу в кармане и до сих пор не решил, что с ним делать. Закопать? Выкинуть в океан? Нет, знаю я этих архидемонов. Сам он, конечно, не выберется, зато непременно рано или поздно кого-нибудь к себе подманит. Рыбу какую-нибудь, крота или вообще человека. И освободится. Нескоро – может, через несколько веков или даже тысячелетий, но освободится.

К ковчезцу теперь крепко пришпилен маленький пузыречек с алой жидкостью. Это кровь Пазузу – я собрал немножко на том месте, где мы дрались. Именно на тот случай, если он вдруг нечаянно освободится. Правда, леди Инанна сказала, что кровь должна быть свежeproлитой – но у Пазузу она, как выяснилось, не свертывается, так что может сработать.

А если не сработает... значит, не сработает.

Так я просидел в размышлениях минут десять. А потом раздался легкий хлопок и прямо из воздуха появился светловолосый широкоплечий детина с остроконечными ушами и таким лицом, словно его сейчас стошнит. Он бросил на меня недовольный взгляд и сухо спросил:

– Так ты и есть тот, кто использует Слово Волдреса?

Глава 2

Вот так в мою жизнь и вошел Джемулан Ройя Атаби айки Кйодолья. Но тогда я еще не знал, как его зовут. Я видел перед собой просто крупного хлыща с эльфийскими ушами и лицом голливудской кинозвезды. Платинового оттенка волосы длинные, смазанные лаком, брови закручены в спирали, по вискам спускаются завитые пряди – что-то среднее между пейсами и бакенбардами. Одет он был в темно-коричневый фрак с высоким бархатным воротником и темный шелковый жилет. На ногах шерстяные панталоны и зеркального блеска сапоги, на руках желтые лайковые перчатки, на шее длинный черный шарф с пестрыми узорами, а на голове высокая шляпа-колпак. В довершение всего гранатовые пуговицы, бриллиантовые застежки, на плечах что-то вроде эполет из перьев, на лбу нарисован узор в виде двойной S – нормальной и в зеркальном отражении... франт, да и только.

Мне почему-то сразу захотелось разбить ему морду.

– Ты что, эльф? – спросил я, таращась на остроконечные уши.

– Я сид, полудурок, – процедил этот холеный красавчик.

– А это что за зверь?

– Высший эльф.

– А чем высшие эльфы отличаются от обычных?

– Телесной организацией.

– В смысле?

– На руку мою посмотри, полудурок. Видел когда-нибудь такие руки у эльфов?

Да, действительно. У эльфов ручки всегда тонюсенькие, мускулатуру и под микроскопом не разглядишь. А у этого бицепсы, как у культуриста. И рост под два метра.

– Мы, сиды, объединяем в себе все лучшие черты эльфа и человека, – наставительно сообщил Джемулан. – Мы почти бессмертны, сильны, выносливы, обладаем высокими магическими способностями. Мы – высшая раса!

– Высшей расой себя называют только моральные уроды с манией величия, – пробурчал я.

– Да, мы именно такие, – гордо кивнул Джемулан. – А тебе завидно?

– Нет.

– Зря. Я бы на твоём месте завидовал.

– А я вот не завидую. Чего тебе нужно-то? Ты энгах, я так понимаю?

– Не просто энгах. Я из ОВР. Гильдия Эсумон.

– Ой, патрон, а вот это очень плохо... – простонал Рабан. – Помнишь, я тебе рассказывал про ОВР? Они занимаются тем, что отлавливают энгахов-ренегатов, нарушающих правила. Похоже, гильдия нами недовольна...

– Где твой контракт энгаха? – перешел с места в карьер Джемулан.

– Тут где-то был... – похлопал себя по карманам я. – Хотя чего это я? Он же в Лэнге остался.

– Работу ты мне не облегчаешь, да? – вздохнул Джемулан.

– Какую еще работу? Ты скажешь наконец, чего приперся? – скрестил на груди все шесть рук я.

– Видишь ли, какое тут дело, странный уродец... – задумчиво поморщился Джемулан. – Я полевой агент – разыскиваю и устраняю нарушения. Вот и тебя разыскал.

– Зачем это?

– Не имею ни малейшего понятия. Мне просто приказали разыскать тебя и доставить в штаб-квартиру. Пошли.

– Как же вы меня задолбали, эльфы хреновы... – вздохнул я.

- Я сид.
- Один хрен.
- Один. Но у сидов он гораздо больше. И не завидуй.
- Да не завидую я, сказал же! – скрипнул зубами я.
- Зря. Я бы на твоём месте завидовал. Пошли.
- А если не пойду? – недобро оскалился я.
- Пойдешь.

Сказав это, проклятый сид как-то странно дернул пальцами... и меня скрючило. Все тело словно защемило огромной пружиной... которая еще и начала сжиматься. Боли пока что не было, только сильное неудобство – но что-то мне подсказывало, что за этим тоже не заржавеет.

– Видишь ли, странный уродец, у каждой гильдии энгахов есть такая вещь, как паралич Слова, – встал надо мной Джемулан. – Ты используешь наше Слово – а значит, ты наш, с потрохами. Я могу заставить тебя ползать на брюхе, могу изуродовать до полной неузнаваемости... а могу убить. Поэтому ты сейчас поднимешься и пойдешь со мной. Или будет еще больнее.

Я почувствовал злобу. Какого черта этот напыщенный урод является сюда и ведет себя так, словно я ему по жизни задолжал? Какого черта он сплющивает меня своим колдунством, хотя я ему ничего плохого не сделал? Мне все сильнее хотелось вцепиться ему в горло.

И вот тогда во мне начала подниматься волна бешенства. Дикой, неконтролируемой ярости – той самой, что вырывалась из меня всеразрушающей силой во время битв с Пазузу и эль Кориано. Я тогда испытал страшный, непередаваемый приступ ненависти... и во мне что-то пробудилось. Понятия не имею, что это такое, но мне оно совсем не нравится.

– Патрон, прекрати... – жалобно бормотал Рабан. – Патрон, прекрати... Патрон, пожалуйста...

За минувшие четыре месяца эти приступы давали о себе знать несколько раз – всегда, когда я встречался с кем-то, вызывавшим особо сильную неприязнь. Например, с тем огром, которого я застал за обглаживанием детских косточек... или вампиршей, которую я застукал в бассейне, наполненном кровью... Торквемада в этих случаях даже не успевал приступить к работе – я в считанные секунды размазывал наших «клиентов» до состояния жидкости. Вот князь Круду не вызвал у меня особой антипатии – вполне приличный мужик для кровососа – поэтому внутри меня ничего не пробудилось.

Зато теперь...

– Беги, идиот... – прохрипел я, с трудом пытаюсь сдержаться. Еще немного, и меня прорвет. Из меня выплеснется... не знаю, что именно, но точно ничего хорошего.

Конечно, Джемулан не понял, что я имею в виду. Его холеная рожа только перекосилась в гримасе недовольства, и он резко повернул пальцы, усиливая нажим. Теперь меня колотило с двух сторон – снаружи чертов энгахский парализатор, изнутри пытающееся вырваться бешенство.

И тут мне на голову легла сухая морщинистая ладонь.

– Молись, тварь, – холодно приказал великий инквизитор. – Читай «Отче наш», пока не велю перестать.

Я принялся повторять зазубренные слова, чувствуя, как понемногу напряжение отступает. Торквемада уже был свидетелем этих моих приступов и без колебаний заявил, что это ищет выхода моя демоническая натура – ей-де не нравится, что я обратился к Богу.

Не уверен, что он прав, но монотонный речитатив меня действительно успокаивает. Уж не знаю, в самой ли молитве дело или просто действует эффект «расслабляющей музыки».

Торквемаде я об этих своих мыслях, понятное дело, не говорю.

Уже через несколько секунд я почувствовал, что снова могу себя контролировать. Разум стал спокойным и холодным, бешеная ярость схлынула.

– А теперь разберемся с тобой, тварь, – перевел взгляд на Джемулана Торквемада. – Кто ты есть и что тебе нужно от моего послушника? Я не вижу на тебе креста.

Джемулан так посмотрел на Торквемаду, словно искренне удивлялся – что это такое сюда приползло и каким образом оно научилось говорить. Лицо сида сморщилось, как будто он сожрал целиком здоровенный лимон.

– Какого еще креста? – наконец процедил он.

– Хороший будет костер, – удовлетворенно кивнул Торквемада. – Принесите дров!

Крестьяне моментально забегали, как муравьи. Дрова великому инквизитору принесли поразительно быстро – с готовностью и даже с предвкушением. Что поделаешь – телевизоров в здешних краях еще не придумали, да и футбол пока толком не прижился. Развлечений мало. И если уж Томмазо Торквемада устраивает бесплатное шоу с огненными спецэффектами... чего б не поглазеть?

Тем более, что сжигают какого-то чужака, на которого всем плевать.

Джемулан взирал на эти приготовления с невыразимым презрением. Он ничуть не обеспокоился, только оттопырил нижнюю губу и скрестил руки на груди. Поскольку этот тип – агент-оперативник, он наверняка может постоять за себя. Уж не знаю, магией или каким-нибудь оружием... да и неважно. У святых отцов-инквизиторов оружия нет – только божье слово и всеобъемлющая доброта.

В любом случае, конфликт мне тут нафиг не нужен.

– Фра Томмазо, можно вас на минуточку? – вежливо попросил я.

Я отвел Торквемаду в сторонку и как сумел объяснил, что это меня настигла прежняя работа... одна из моих прежних работ. А поскольку энгахские гильдии – это не Йог-Сотхотх, всем будет лучше, если я просто пойду и договорюсь по-хорошему.

Не знаю, сколько Торквемада понял из моих объяснений. Они были довольно сбивчивыми и бессвязными. Однако немного подумав, великий инквизитор сурово кивнул:

– Хорошо, тварь, отпускаю тебя. Ступай и искупи свои прегрешения перед этими людьми.

Похоже, Торквемада все понял навыворот. Но тем лучше.

– А я отправлюсь с тобой и прослежу, чтобы ты сделал все, как подобает, – неожиданно закончил Торквемада.

Вот эти его слова привели меня в ужас. Я представил великого инквизитора в каком-нибудь мире, населенном кем-либо, кроме католиков – да хотя бы на нашей Земле – и буквально почувал запах горелого мяса. Торквемада не тот человек, что способен проявлять терпимость. Если ты стоишь перед ним, то должен быть либо крещен, либо сожжен – третьего не дано.

Мне стоило немалых трудов уговорить Торквемаду отказаться от этих планов. Поначалу он уперся, как баран, не желая ничего слушать. Но понемногу до старика дошло, что в этом вояже он и в самом деле будет пятым колесом.

– Ступай же тогда с богом, тварь, – проворчал он. – Орден святого Доминика будет ждать твоего возвращения. Благословляю тебя именем Христовым.

– Это мне пригодится, – согласился я. – До свидания, Феликс Эдмундович. Даст бог, еще свидимся.

– Пошли, полудурок, – брезгливо взял меня за руку Джемулан. – До Эйкра два прыжка.

Я приготовился услышать знакомые ллиассы и алаассы, но Джемулан лишь напрягся и что-то неразборчиво замычал. Рабан с легкой завистью сообщил, что самые опытные и талантливые энгахи умеют проговаривать Слово про себя, не открывая рта. Покойному Волдресу подобное и не снилось – это у них считается высшим пилотажем.

Закончил Джемулан тоже быстрее, чем обычно Рабан. Я не успел даже махнуть рукой дедушке Торквемаде, а изображение вокруг уже раздвоилось, пространства наложились друг на друга... и мы перенеслись в другой мир.

Блин, а поросенка-то я так и не скушал. Обидно.

То есть это карась был. Карась.

Глава 3

Промежуточный мир между Землей-1691 и Эйкром я видел лишь мельком. Ничего интересного – угрюмый осенний пейзаж, опушка леса, на горизонте виднеется неподвижная громада, похожая на полуразрушенного робота-трансформера. В небе два солнца, оранжевые облака, да летают какие-то твари, смахивающие на крылатых утку. Больше я ничего не рассмотрел – Джемулан уже перевел дыхание и с удивительной скоростью промычал Слово заново.

Теперь мы оказались на Эйкре. Я уже бывал в этом мире, когда добывал вавилонских рыбок для мистера Креола, но в тот раз я посещал лишь архипелаг Кромаку... а это явно не он. Там я нигде не видел высотных зданий, похожих на ярко-синие обелиски. А здесь они вздымаются повсюду – уходят в небеса на сотни метров, если не на целые километры. Кажется, город немаленький.

Мы оказались на многолюдной платформе, напоминающей железнодорожный перрон. Вместо рельсов длиннющие ряды совершенно одинаковых круглых возвышений, огражденных перилами и осветительными фонарями. На одном из таких мы и очутились... не на фонаре, конечно, а на возвышении.

Рабан, который уже бывал здесь вместе с Волдресом, объяснил, что это главный в городе прыжковый вокзал. Именно здесь всегда приземляются энгахи и межмировой транспорт.

– А что, в другое место приземлиться нельзя? – спросил я.

– Можно, но за это штрафуют, – сказал Джемулан, решивший, что я говорю с ним.

– Почему?

– Потому что запрещено. Пошли.

Мы спустились на платформу и нас мгновенно затянуло людским потоком. Впрочем, людей здесь было в лучшем случае четверть – вокруг кишели сотни самых разных созданий. На меня в кои-то веки никто не обращал внимания, так что я спокойно откинул капюшон рясы.

Похоже, большую часть толпы составляли «перемещенцы». То и дело на том или другом возвышении объявлялся энгах или кто-нибудь наподобие. Многих встречали – уж не знаю, как тут узнают, что любимый брат или дедушка приземлится именно на этом возвышении, а не на другом, но ко многим пришельцам тут же устремлялись приветственно машущие люди... эльфы... черти... девятиногие бегемоты... в глазах уже рябит от такого многообразия.

Был здесь и обслуживающий персонал – одни убирали мусор, другие что-то ремонтировали, третьи ковырялись в фонарях. На Эйкре нет солнца, воздух здесь светится сам благодаря уникальным свойствам тепория, но только половину суток – а вторую половину царит кромешная тьма. Без искусственного освещения никак.

Дjemuлан уверенно провел меня к одной из дверей в длинной синей стене, ограждающей платформу. За ней оказалось что-то вроде зала ожидания – киоски, закусовые и огромное количество деревянных лавок с высокими спинками. На всех до единой была выгравирована одна и та же надпись – «Г. П. С.»

– Что это значит? – спросил я.

– Горнойские Пассажиры Службы, – коротко ответил Джемулан.

– Горнойские?..

– Этот город называется Горноем. Один из крупнейших межмировых центров.

– Угу. И народу тут до хренищи...

– Полтора миллиарда. Пошли.

– Да ты достал уже меня дергать...

В штаб-квартиру Эсумона мы ехали... точнее, летели на местном варианте маршрутного такси. Ярко-красная хреновина каплевидной формы неслась со скоростью пули, лишь каким-то чудом успевая вписываться в повороты. В пассажирском салоне царил адское столпотво-

рение. Джемулана почему-то никто не трогал, а вот меня то и дело тыкали тростью или зонтом, требуя передать за проезд или сказать водиле, чтобы остановил свою колымагу. Входя или выходя, пассажиры преспокойно наступали мне и друг другу на ноги. Все кругом кашляли, сморкались, чихали, пердели, а в шупальцах у кальмароподобной тетки завывали сиреной два извивающихся младенца. К тому же в салоне, видимо, ужасно воняло – Джемулан брезгливо морщился и закрывал нос платочком. Вот когда я порадовался, что у меня отсутствует обоняние.

Дилижанс то и дело останавливался, чтобы подобрать попутчиков. Я не замечал, чтобы кто-то поднимал руку или голосовал другим способом, но водила каким-то образом всегда определял – этому господину, даме или бесформенному чудищу нужно сесть именно к нему. Ни разу не ошибся. А поскольку подбирал он всех и каждого, летели мы резкими рывками – фьюииииииить!.. стоп! фьюииииииить!.. стоп! фьюииииииить!.. стоп! Тормозил и разгонялся этот драндулет мгновенно, что только добавляло кавардака в салоне.

– Твою мать, урод, не дрова же везешь!.. – прохрипел я, в очередной раз подлетев к потолку.

– Ты там что-то вякнул про дрова, моська трехглазая?.. – недобро прищурился пассажир напротив, похожий на гигантского Буратино. Вместо ушей из его головы росли веточки.

Должен сказать, у меня создалось впечатление, что город Горной населен исключительно хамами. Здесь все друг друга толкали, пихали и оскорбляли, а вежливых слов я не слышал в принципе. На улицах стоял гвалт, шум, никто не шел спокойно, каждый прохожий неся так, словно куда-то опаздывал.

А уж транспорт! Я поначалу полагал нашего шофера лихачом, однако ж нет, здесь все мчались сломя голову, не обращая внимания на правила. Да и есть ли вообще в Горное такая штука, как правила дорожного движения? Во всяком случае, ни светофоров, ни регулировщиков, ни дорожных знаков я ни разу не заметил. Странно даже, что и аварий я тоже ни разу не заметил.

Кстати, транспорт здесь удивительно разнообразен. Машины всех возможных форм и расцветок едут по земле, парят над землей, летят по небу, совершают дикие прыжки, исчезают в никуда и появляются из ниоткуда – телепортация, видимо. Вторично выражаю удивление тому, что никто ни с кем не сталкивается, никто не попадает под колеса. Может быть, я просто попал в удачный час – ну как Магеллан, с легкой руки которого Тихий океан незаслуженно стал Тихим.

Зато сам город удивительно красив. Небоскребы-obeliski словно выточены из гигантских сапфиров и увиты живыми лозами с огромными цветами. Вдоль аллей высятся диковинные штуконины, похожие на помесь скал и деревьев. Этакие коралловые рифы, только сухопутные. Вместо рыбок вокруг снуют крохотные яркие птички и бабочки с размахом крыльев на полметра. Лепота.

Я бы еще полюбовался пейзажами, но тут наш шахидмобиль в очередной раз стопорнул и Джемулан выволок меня наружу. Так я впервые увидел штаб-квартиру гильдии Эсумон.

Ну что сказать? Здание как здание. Похоже на дореволюционную барскую усадьбу. Размеры довольно скромные – всего два этажа. Окружено стеной из белого мрамора, ворота витые, из чистого золота. Или просто позолоченные, не знаю.

– Из золота, патрон, из золота, – подтвердил Рабан.

– Богато живут... – присвистнул я.

– Существуют миры, в которых золото стоит дешевле грязи, – заметил Рабан. – И не только золото. Помню, однажды мы с Волдресом однажды были на планете-алмазе... представляешь, патрон, целая планета – сплошной алмаз!

– Угу. Круто.

Про себя я подумал, что жить на такой планете должно быть ужасно неудобно. Алмазы – они в умеренных дозах хороши. А если кроме них ничего нету... не, оставьте себе такую радость.

Ворота гильдии меня весьма впечатлили. Но гораздо больше я прифигел, войдя в холл. Такое маленькое снаружи, внутри здание оказалось просто громадным. Потолок теряется где-то в поднебесье, стены тоже исчезают в необозримой дали. Не холл – аэродром.

Толкотня и здесь царит невообразимая. Джемулан сказал, что появляться положено только на прыжковом вокзале, однако многие энгахи явно не утруждают себя этим правилом. Шагать приходится осмотрительно – дважды я чуть не врезался в типов, возникших прямо перед моим носом. Одни просто появляются ниоткуда, другие словно выходят из невидимых дверей, третьи буквально сваливаются с небольшой высоты. Рабан объяснил, что неопытные энгахи часто боятся напортачить с координатами и оказаться внутри материального объекта, поэтому берут на метр-полтора выше. Ну вот и плюхаются, как идиоты.

Надо сказать, я раньше и не думал, что энгахов настолько много. Прямо сейчас перед моими глазами их не меньше тысячи. А ведь это только небольшая часть гильдии Эсумон. Да и сам Эсумон – всего лишь одна из множества энгахских гильдий.

Дjemuлан двигался в этой кутерьме уверенно, кивая одним энгахам и равнодушно глядя на других. Перед ним все расступались, как трава перед носорогом. Чувствовалось, что этого сида тут знает каждый и авторитет он имеет немаленький. Местный особист, фигли.

Мы поднялись на второй этаж по огромной лестнице, устланной мягким красным ковром. Наверху оказалось гораздо тише – энгахи из ниоткуда не появлялись, без дела никто не болтался. В холле, такое впечатление, они просто тусуются между заданиями – треплются друг с другом, пиво пьют. А здесь деловая обстановка, вид у всех сосредоточенный.

– Это канцелярия, – на ходу пояснял Рабан. – Это бухгалтерия. Это зал наблюдения. Это доски объявлений.

Доски объявлений я уже замечал. В холле их была целая куча, и даже снаружи здания висела одна. Сделаны из стекловидного материала, сплошь усеяны надписями – то и дело новые появляются, а старые исчезают. Глаз на ходу выхватывал слова «разыскать», «доставить», «спасти», «перевезти». И суммы наград, обозначенные непонятным символом, похожим на знак процента.

Мне стало любопытно, чем здесь расплачиваются – золото с алмазами явно не в цене, за доллары тоже вряд ли что-то купишь... что же это за универсальное сокровище, которое ценится во всех мирах? Навскидку в голову приходят разве что души – но это же энгахи, а не демоны.

– Бартер, – охотно сообщил Рабан. – Все заказы поступают в гильдию, здешние специалисты оценивают сложность задания и устанавливают ему стоимость в условных единицах. А дальше уже заказчик расплачивается в соответствии со своими возможностями – кто валютой высокоразвитых миров, кто редкими веществами, кто техникой или артефактами, кто произведениями искусства, кто ответными услугами... Договариваются, в общем. Заказчик платит гильдии, а та уже рассчитывается с агентом-исполнителем.

– А без посредничества никак?

– Можно и самому, конечно. Волдрес, например, был вольным энгахом – сам искал заказы и сам обо всем договаривался. Хотя посредничеством мы тоже часто пользовались – так надежнее. Меньше вероятность, что тебя кинут или подставят. Услугами энгахов пользуются многие, и далеко не все клиенты заслуживают доверия. Нас вот с Волдресом пару раз пытались использовать втемную...

– И как, удачно?

– Давняя история, патрон, чего ее зря ворошить... – уклончиво ответил Рабан.

Джемулан довел меня до конца коридора и... исчез. Я недоуменно уставился в пустоту, но Рабан тут же шикнул, чтобы я шагал следом. Последовав его совету, я очутился в совсем другом месте – обширном полукруглом зале, похожем на лекционную. Вверх ступенями уходили скамейки, на которых сидели десятки разномастных энгах.

А на месте лектора скрючился... Рабан сказал, что это сам глава гильдии, достопочтенный Музкельмун арб Граши. Крохотного роста, седой, мохнатый, коренастый, похожий на замшелый пенек. Вроде бы не человек. Или человек, но на редкость уродливый.

Мы с Джемуланом пристроились на самом верху. На нас никто не обратил внимания – шеф Эсумона был полностью поглощен распеканием подопечных. Кажется, его что-то не на шутку разгневало – он подпрыгивал, топотал ножонками, брызгал слюной и не переставал вопить.

– Нервный дяденька, – негромко хмыкнул я.

– Молчи, полудурок, – облил меня презрением Джемулан. – Граши-хама – величайший из наших старшин. Именно благодаря ему Эсумон стал первой гильдией в таблице.

– Первой?.. – удивился я. – Вы такие крутые?

– Мы самые лучшие, – горделиво кивнул Джемулан. – Эсумон уже давно славится тем, что выполняет самые сложные задачи. Те, которые не по силам другим гильдиям.

– А вы, значит, можете что угодно? – скептически уточнил я.

– Можем мы все. Но не все делаем.

– Почему?

– У нас есть свои законы чести. Эсумон не берется за похищения людей, наемные убийства, объявленные кражи...

– Объявленные? Это как?

– Если в заказе прямо и четко говорится – украсть то-то. Вот если сказано добыть или разыскать... ну, тут открыта дорога для вариантов. Возможно, придется и красть – хотя это не одобряется. В общем-то, мы все-таки не жрецы Карнуи... но и не треллахейды. С грязной работой обычно обращаются в другие гильдии, менее разборчивые.

Я не понял, кто такие жрецы Карнуи и треллахейды, но спрашивать не стал. Главное, что общий смысл понятен – пачкать руки мои коллеги не боятся, но предпочитают все же этого избегать.

А великий и мудрый старшина гильдии продолжал отчитывать подчиненных. На лекционной доске за его спиной сами собой вспыхивали и гасли какие-то символы, появлялись изображения, видеозаписи... ну, что-то, выглядящее, как видеозаписи. Наверное, это все-таки магия.

– Увалень! – в очередной раз рявкнул Музкельмун арб Граши. – Ты что опять натворил, идиот?!

– А что не так? – поднялся с места хлипкого телосложения энгах. – Я же выполнил задание, нет?

– Задание-то ты выполнил, да... только зачем ты разломал заказчику дом?!

– Форс-мажор. Иначе было никак.

– Никак, да?! Штрафы сожрали все твоё вознаграждение, идиот! Твою бабушку, мы же специалисты по деликатной работе – а где там у тебя была деликатность?! Садись! Сперматозоид!

– Я! – откликнулся другой энгах, светловолосый, с тоненькими усиками.

– Да уж вижу, что ты... – вздохнул господин Граши. – Ты, конечно, спас дочку парда Унио от похитителей... но кто тебя просил лишать ее девственности?!

– Она сама меня соблазнила, – невинно ответил распекаемый.

– А пард теперь строчит на нас жалобы, идиот! Садись! Кефир! Тысячу раз тебе говорил – на работе не пить! Выполнил задание – хоть залейся, а на работе – ни-ни!

– На трезвую голову скучно, – пожал плечами краснорожий пузатый энгах.

– Идиот! Садись! Догада! За каким... за каким ты сдал заказчика полиции?!

– Пришлось, – невозмутимо ответил тощий лысый энгах. – Он нанял меня, чтобы я нашел вора его драгоценностей. Однако выяснилось, что он сам украл их, чтобы получить страховку – а меня нанял для отвода глаз. Я благополучно раскрыл дело... и сдал заказчика полиции.

– Это... – явно опешил Музкельмун арб Граши. – Ну это еще ладно, закон мы стараемся чтить... Но все равно идиот! Нельзя так поступать с заказчиком – заказчик для нас священен! Садись! Обкурыш! Ты... ты просто идиот!

– А я-то что не так сделал? – возмутился рослый энгах с квадратной челюстью.

– Сам прекрасно знаешь! Я вообще тебя терплю только потому, что ты все-таки талантливый сукин сын! Но так работать нельзя! Садись! Рубака! Где Рубака?! – повысил голос старшина гильдии.

– Его вы на прошлой неделе выгнали, шеф, – подсказал кто-то из первых рядов.

– Ах да, забыл... Жаль парня, но правила есть правила... Кстати, его Слово было вычеркнуто?

– Конечно, шеф.

Я наклонился к Джемулану и тихо спросил:

– Слушай, это что – их имена?

– Нет, конечно, – презрительно посмотрел на меня сид. – У Граши-хама есть привычка – он всем раздаёт прозвища.

– А у тебя тоже есть?

– Конечно.

– И какое?

– Бриллиант.

– Да тебе повезло с кличкой-то...

– Да. Я начальство пока еще не подводил ни разу. Поэтому мне и поручают самые ответственные дела.

– Любимчик, блин...

– Я это заслужил своими удивительными талантами и прекрасной внешностью.

– И от скромности ты не умрешь.

– Не умру. От скромности вообще нельзя умереть. Ты что, настолько глуп, что не знаешь таких простых вещей?

– Да, я дурак, – сокрушенно признался я.

– По крайней мере, ты умеешь признавать свои недостатки. Это уже неплохо.

Я кисло покосился на Джемулана. Похоже, сарказм этот тип не воспринимает в принципе. Или наоборот – очень тонко надо мной издевается.

Врезать ему, что ли?

Тем временем Музкельмун арб Граши закончил отчитывать последнего из провинившихся и уставился прямо на меня. Кустистые брови медленно поползли вниз, пока полностью не скрыли глаза. Пенькообразный старикашка с полминуты пристально сверлил меня взглядом, а потом раздраженно пробурчал:

– Пошли все вон. На сегодня закончили.

Энгахи потянулись к выходу, один за другим исчезая в невидимом проходе. Я тоже поднялся было, но Джемулан дернул меня за правую нижнюю руку и молча покачал головой.

– Вы двое, – указал на нас лидер гильдии. – В мой кабинет.

Глава 4

Исследовали меня долго. Музкельмун арб Граши вьедливо расспрашивал о каждом пункте моей биографии, ловя на малейших противоречиях. Впрочем, я и не пытался врать – честно рассказал все как есть. В конце концов, мне стыдиться нечего.

Почти нечего.

– Итак, подведем итоги, – задумчиво произнес господин Граши. – Ты не энгах, однако ты пользуешься нашим Словом.

– Ну да, я...

– Да-да, я понял. Из-за сложной ситуации тебе достался симбионт одного из наших агентов. При этом ты не прошел надлежащего обучения и не знаешь правил работы. Между прочим, ты уже нарушил столько этих правил, что и за час не перечислишь.

– Каких, например? – удивился я.

– В одном из миров изменил естественный ход истории, что для нас неприемлемо, – начал загибать пальцы мой визави. – В другом – открыто работал на центральную власть, что еще более неприемлемо. К тому же ты не просто энгах, а энгах-демон, что вообще категорически недопустимо!

– Да ладно, что я такого сделал-то особенного?

– А ты вообще когда-нибудь слышал о такой вещи, как баланс миров, идиот? – поднял брови Музкельмун арб Граши. – Ты представляешь, что начнется, если все подряд будут шляться туда-сюда, таскать туда-сюда всякое барахло, творить что в голову взбредет – и безо всяких правил! Это будет хаос, натуральный хаос! Запомни, идиот, в чужих мирах ты должен подражать мотыльку, порхающему над цветами! Быть тише воды ниже травы и никак не выказывать своего присутствия! А ты топчешься как брахтодозер! Если бы все энгахи вели себя так, все давно бы полетело в тартарары!

– Так уж и в тартарары... – усомнился я.

– Вот поэтому я и не люблю неофитов... – тяжело вздохнул Музкельмун арб Граши. – Если бы ты прошел надлежащее обучение, то знал бы, что к чему в этой игре...

– Игре?..

– Великой игре миров. В ней бесконечное множество игроков самых разных уровней и масштабов – от бессмертных богов до мелких воришек. У всех свои цели и методы, и каждый старается перетянуть одеяло на себя. Бывают конфликты. Бывают схватки. Бывают большие войны. Порой случаются настоящие армагеддоны, в результате которых гибнут целые миры или даже плеяды миров. Но большую часть времени поддерживается определенное равновесие. Колеблущееся, неустойчивое, но все же равновесие.

Я слушал вяло, без особого интереса. Зато Музкельмун арб Граши говорил все увлеченнее, явно сев на любимого конька.

– Гильдии энгахов – далеко не самый крупный игрок, – разглагольствовал он. – Мы просто делаем свой маленький бизнес. Одни из нас подражаются наемниками, другие занимаются торговлей или извозом, третьи ищут сокровища, четвертые подрабатывают контрабандой... Наш главный козырь – легкое и быстрое перемещение между мирами. Такой прыг-прыг-прыг по измерениям. И по сути это все, что у нас есть. Только умение перемещаться и кое-какие полезные мелочи, подобранные по дороге. Поэтому обычно мы и зарабатываем по мелочи – в серьезные заварухи стараемся не влезать. Все наши гильдии имеют постоянный адрес, и если один энгах наступит на ногу крупному игроку, отдуваться будет весь коллектив. У нас уже несколько раз были неприятности из-за шустриков вроде тебя. Вот, помню, один раз, когда я еще был заместителем...

«Мне все равно», – раздраженно думал я, таращась на густые брови господина Граши. – «Мне наплевать. Да заткнись ты наконец, придурок!»

Но он все не затыкался и не затыкался. Уже даже Джемун сморщился, с трудом сдерживая зевоту, а его шеф по-прежнему ездил нам по ушам. Чувствовалось, что он это обожает.

Кабинет шефа гильдии выглядел довольно уютно. Ковры на стенах, деревянная мебель... очень мелкая, правда. Музкельмун арб Граши росточку-то невеликого – раза в два ниже обычного человека. Если он вообще человек – я в этом не особенно уверен, а спросить прямо стесняюсь. Рабан почему-то молчит.

Что в кабинете выделялось сразу – одна из стен. Вся усеянная мерцающими огоньками, она напоминала звездное небо. Огоньки вспыхивали и гасли, перемещались, образовывали сложные фигуры. Казалось, что они делают это беспорядочно, без всякой системы, но я почему-то сомневался, что шеф гильдии разместил у себя на стене абстрактную живопись. Гораздо больше эта штука напоминала компьютерный дисплей... только создавали этот компьютер явно не на Земле.

А через несколько минут я узнал, что это за огоньки. Музкельмун арб Граши указал на них и риторически спросил:

– Видишь счетчики? Вот это у нас ты. Все сделанные тобой прыжки. Смотри, сколько миров ты посетил! И без всякой конспирации, все как попало!

– Так вы что, все записываете? – удивился я.

– А как же иначе? – удивился в ответ шеф гильдии. – Это ведь мы обеспечиваем твоё перемещение. Система находится прямо здесь, под зданием. Представляешь, какого она размера? Представляешь, сколько она стоит? Представляешь, во что нам обходится каждый твой прыжок? Думаешь, почему энгахи платят гильдии членские взносы?

– Тьфу, а я-то думал, что магия – это типа халява и все такое... – огорчился я.

– Я не знаю, что такое «халява», но это не бесплатно, если ты это имеешь в виду. Энергия тратится на любое действие. И ты, между прочим, уже задолжал нам немаленькую сумму. Когда ты последний раз выплачивал членские взносы?

– Не помню, – признался я.

– Ну и что мне с тобой делать? Правила нарушаешь. Членские взносы не платишь. И вообще пользуешься чужим Словом.

Я поежился. Музкельмун арб Граши теперь говорил очень тихо, почти ласково, но звучало это почему-то довольно жутко. Уж лучше бы он по-прежнему орал и ругался.

Мне даже захотелось велеть Рабану стартовать в другой мир, и побыстрее. Конечно, я не стал этого делать – глупо же. Кто-кто, а родная гильдия найдет меня где угодно. Или даже не станут искать – просто отключат Слово, и пиши письма.

И потом – если по-честному, я же ни в чем не виноват. С тех пор, как я стал ящменом, от меня вообще мало что зависело – постоянно был жертвой обстоятельств и плыл по течению. То туда занесет, то сюда. Ну и откуда я мог знать, что нарушаю какие-то правила? Рабан об этом пару раз упоминал, но как о чем-то несущественном. Я и не принимал близко к сердцу.

А тут вон как все обернулось...

– Что молчишь-то? – прищурился шеф гильдии.

– Понимаю, что я напортачил, но... но у меня есть уважительная причина! – заявил я.

– Какая?

– Ну... э-э-э... Ну хорошо, у меня нет уважительной причины. Но зато я очень извиняюсь.

– Неубедительно, – покачал головой этот густобровый пенек.

Ну вот. Похоже, мне все-таки придется нашинковать их с Джемунаном в мелкую капусту, а потом попробовать затеряться в бесконечности измерений. Они, конечно, не беззащитны, но

вряд ли им удастся справиться с ященок... хотя стоп, у них же есть контроль моего Слова. Джемудану достаточно шевельнуть пальцем, чтобы меня скрючило.

И что же мне тогда делать? Просто попробовать убежать? Рабана эти двое не слышат, он может произнести Слово незаметно. Правда, они меня все равно поймают... может, попросить политического убежища у леди Инанны? На Девяти Небесах меня точно не достанут...

Не знаю, до чего бы я в конце концов так додумался, но тут Музкельмун арб Граши хлопнул по столу ладонью и милостиво сказал:

– Хорошо, я дам тебе шанс.

– Правда? – недоверчиво спросил я.

– Правда. Учитывая твой... нетипичный случай, гильдия сделает снисхождение.

Радоваться почему-то не захотелось. Я уже привык, что если кто-то проявляет ко мне доброту, надо искать подвох.

– Тебе придется отработать, – тут же подтвердил мои опасения Музкельмун арб Граши.

– Никогда не уклонялся от работы, – не стал спорить я. – Могу полы мыть, могу стены красить, могу кирпичи класть. А хлеборез из меня вообще первоклассный. Можете Виктора Петровича спросить, кока нашего.

– Хлеборез нам не нужен, – проявил недалёковидность Музкельмун арб Граши. – Ты займешься расчисткой «мертвых контрактов».

– Угу. Как скажете, товарищ начальник. А что такое «мертвые контракты»?

– Контракты, заключенные нашими энгахами, но по той или иной причине так и не выполненные. Чаще всего из-за гибели исполнителя. Такие контракты повисают на нашей гильдии мертвым грузом. У гильдии Эсумон хорошая репутация, и мы этим гордимся, так что стараемся все «мертвые контракты» закрывать. Начнешь с завершения своего собственного – с поручения магистра Йехудина. Ты ведь бросил его невыполненным, верно?

– Было дело, – сознался я.

– А он направил в гильдию официальную жалобу, – прицелкнул пальцами Музкельмун арб Граши. В воздухе повисло туманное облачко с гневно искаженным лицом внутри – приглядевшись, я узнал Йехудина, чокнутого ученого из анклава Додекаэдр. – Нехорошо получилось – сначала Волдрес умер, а затем еще и его «наследник» сбежал, ничего не сделав...

– Я просто забыл... – виновато признался я. – Не до этого как-то все было...

– Не оправдание. Почему из-за твоей забывчивости должна страдать репутация гильдии? В чем там заключался заказ Йехудина?

– Раздобыть схему мозга Палача. Это робот такой, – пояснил я.

– Хорошо, что ты хоть это помнишь, – кивнул Музкельмун арб Граши, взглядываясь в недра облачка. – Закончите с Йехудином, вернетесь за новым контрактом.

– Вернетесь?... – не понял я. Чего это он вдруг на «вы» перешел?

– Первое время тебя будет курировать агент Джемудан, – пояснил глава гильдии.

Я покосился на вышеозначенного – тот сморщился, будто лимон сожрал. Похоже, ему новое назначение не особо в радость. Однако вслух сид ничего не сказал.

– И если ты хоть что-нибудь выкинешь, агент Джемудан тебя убьет, – добавил человек-пенек. – Необходимое разрешение ему уже выдано.

Я даже особо не расстроился. Мне не привыкать.

– Если мне теперь придется на вас работать, может научите меня собственному Слову? – попросил я.

– Это можно, – согласился Музкельмун арб Граши. – Бриллиант, отведи стажера... м-м... Растяпу к пээмщикам и распорядись там.

Уже несколько мной не интересуясь, глава гильдии отвернулся к стене и принялся менять узоры из огоньков. В воздухе возникло что-то вроде дымного клуба, полностью окутавшего

голову Музкельмуна арб Граши. Там вспыхивали крошечные молнии, слышались пищащие звуки, а один раз даже заиграла музыка.

– Пошли, – мотнул головой Джемулан. – Шеф закончил.

– Вижу. Деловой мужик. Кстати, он не мог придумать мне прозвище получше?

– Растяпа – это еще не самое худшее. Твоего предшественника он называл [цензура].

– Предшественника? У меня были предшественники?

– Думаешь, ты первый, на кого вешают расчистку «мертвых контрактов»? Это самая непопулярная работа из всех. Ее всегда поручают провинившимся.

– А что будет, когда я отработаю долги?

– Думать забудь. Ты теперь до конца жизни будешь бесплатно работать на гильдию. Иначе... – Джемулан многозначительно скрючил палец.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. А я-то раньше, наивная душа, считал энгахов... ну, скажем так, у меня не было на их счет определенного мнения, но ничего плохого я о них не думал. А у них тут вон как сурово все, оказывается. Шаг влево, шаг вправо – придут злые дяденьки из ОВР и будут бить ногами по лицу.

Рабан мне это не так описывал.

– Чего я-то, патрон? – обиделся мой мозговой паразит. – Волдрес был просто обычным энгахом. Работал всегда в одиночку, штаб-квартиру посещал всего пару раз, членские взносы платил аккуратно... Мы в политику не лезли.

– И правильно.

– Что? – не понял Джемулан.

– Это я не тебе.

Загадочные пээмщики разместились в подвале. Или еще где-то – я уже запутался в архитектуре штаб-квартиры Эсумона. Обычный двухэтажный особняк снаружи, изнутри она оказалась громадным зданием-лабиринтом, явно не ограничивающимся тремя измерениями. Сильно подозреваю, что часть помещений вообще расположены в других мирах.

Меня долго осматривали, измеряли какими-то разноцветными стержнями, что-то сканировали и даже попросили плюнуть в блестящую чашечку. Кисло посмотрев на то, что от нее осталось после моей слюны, лаборант ушел и вернулся с новой чашечкой, прозрачной. Эта яцхенову кислоту выдержала, только немного потускнела.

– Духовная частота не совпадает, – наконец сообщил старший пээмщик – покрытый шерстью карлик с огромными ушами и длинным хвостом. – Для Эсумона не подходит.

– То есть? – не понял я.

– Наши Слова действуют в резонансе с твоей духовной частотой, – пояснил Джемулан. – У каждой гильдии свое Слово, и работает оно на собственной частоте. Поэтому нельзя просто взять и поступить в любую гильдию, какую захочешь – нужно, чтобы еще и совпадали частоты. А у тебя с нашей не совпадает, так что здесь тебе ничего не светит.

– А у Рабана совпадает?

– Твоего керанке?..

– Угу.

– Он был симбионтом агента Волдреса. Конечно, у него та же частота. Пошли.

Узнав, что энгахом мне не быть, я не особо расстроился. В любом случае Рабан останется со мной до конца жизни, ибо смерть одного из нас означает и смерть другого. А значит, можно не суетиться.

– Ладно, Брейн, что мы будем делать дальше? – вежливо спросил я.

Глава 5

Покинув пээмщиков, Джемулан вознамерился отправиться по собственным делам. Писать отчеты или что там обычно делают агенты ОВР по выполнению задания. Меня он с собой таскать не пожелал – велел сидеть на попе ровно и ждать. Я вежливо сообщил, что немножечко хочу кушать, поэтому сидеть и ждать не намерен, а намерен пойти заморить червячка. Джемулан попытался меня построить, но я выпустил когти, отчекрыжил кусок деревянной скамьи и демонстративно принялся его грызть.

– И как это на вкус? – брезгливо спросил Джемулан.

– Деревяшка – она и есть деревяшка, – сплюнул я. – Кстати, а каковы на вкус сиды?

– Сиды идеальны во всем, включая вкусовые качества, – невозмутимо ответил Джемулан. – Мы мягкие, нежные, питательные, полезные для здоровья и очень легко усваиваемся. Те из чудовищ, что не чураются пожирания разумных существ, считают нас первосортным деликатесом. Хотя им редко удается нас попробовать.

– Почему?

– Потому что мы обычно убиваем их первыми.

Похоже, не врет. Рабан уже успел мне рассказать, что сиды прославились на многие миры, как великие воины и охотники. Хладнокровные и беспощадные, они обожают убивать и причинять боль, подолгу мучают своих жертв, часто ведут междоусобные войны, глубоко презирают «низших существ» и отличаются редкой мстительностью. Белокурая арийская бестия, только уши остроконечные.

– Так что, меня будут тут кормить или мне прогрызть дыру в стене? – осведомился я. – А то я могу.

Джемулану явно не улыбалось объяснять шефу, почему стену штаб-квартиры изгрызли ящеры. Он смерил меня холодным взглядом и неохотно мотнул головой – пошли, мол.

На многое я не рассчитывал. Дадут бомжпакет или сосиску в тесте – и на том спасибо. Однако Джемулан, видимо, дешевым хавчиком брезговал. Вместо того, чтобы остановиться у ближайшего ларька и купить какой-нибудь шавермы, он привел меня в блистающий разноцветными огнями ресторан. Судя по адмиральского вида швейцару у входа и напыщенным официантам – заведение претенциозное.

Джемулан перекинулся парой слов с метрдотелем и меня тут же отвели к ближайшему столику. Положенное передо мной меню по толщине могло соперничать с Малой Советской Энциклопедией, и я невольно облизнулся.

– Насыщайся, – презрительно бросил мне Джемулан.

– Угу. Спасибо. Только у меня денег нет, – на всякий случай сказал я.

– Заказывай, что хочешь, – поморщился Джемулан. – У меня здесь неограниченный кредит.

Когда дело касается еды, меня не нужно упрашивать дважды. И про «что хочешь» он зря сказал – ящерица любой кредит проест на раз-два, даже неограниченный.

Первым делом я заказал себе крем-суп, омлет с ветчиной, омара под майонезом, жареную утку со спаржей, жареную камбалу, жареную сельдь под горчичным соусом, тушеную говядину с овощами, запеченное седло барашка, коктейль из креветок, миндальные пирожные с вишневой водкой, сэндвичи с кресс-салатом, эклеры с кофейным кремом, клубнику со сливками, меренги с яблоками... и попросил не уносить меню. Там была еще целая куча завлекательных названий, большинство из которых непонятно что означали, но звучали соблазнительно. Например, будет просто грехом не попробовать преомутен под соусом ладхьон или парадинговый бульон с бакербзе.

Мне даже захотелось, чтобы мой куратор не возвращался как можно дольше.

Но он вернулся довольно быстро. Прошло всего часа полтора – я только-только утолил первый голод, когда Джемулан плюхнулся в кресло напротив, бросив на стол длинный голубой кристалл и туго скрученный пергаментный свиток с ленточками.

– Это твой новый патент энгаха, – сообщил он, указывая на свиток. – Подпиши вот здесь.

Я пробежал глазами текст, поставил роспись на указанном месте и потянулся забрать договор, но Джемулан молча свернул его и спрятал во внутренний карман.

– Начальник, документы верни, – вежливо попросил я.

– Пока я твой куратор, он будет храниться у меня, – отказал Джемулан. – Сохраннее будет.

Я хотел было возбунтовать, но потом решил, что так и в самом деле будет надежнее. Доминиканская ряса, которую я ношу сейчас, уже порядком изношена, да и карманами не особенно богата. Хватит и того, что я постоянно боюсь потерять ковчежец с Пазузу.

– Что у нас дальше на повестке дня? – миролюбиво осведомился я, продолжая закусывать.

– Из какого ты мира? – резко спросил сид, проводя рукой над столом. Там образовалось полупрозрачное облако, похожее на те, что создавал Музкельмун арб Граши.

– Эм-м... с Земли.

– Меня не интересуют туземные названия. Континуумный код знаешь?

– Понятия не имею.

– Сколько до него шагов, знаешь?

– Один, – не задумываясь ответил я.

– Серьезно? – приподнял брови Джемулан. – Соседний мир? Тогда дело облегчается. Давай-ка посмотрим... Тип мира?

– Вакуумный.

– Господствующий биологический вид или виды?

– Хомо сапиенс. Человек разумный, – добавил я, заметив непонимание на лице Джемулана.

– Закрытый, открытый или полуоткрытый?

– В смысле?

– Контакты с другими мирами там поддерживают?

– Нет.

– А о их существовании хотя бы знают?

– Нет.

– Значит, закрытый, – подытожил Джемулан. – Тип цивилизации?

– А какие бывают? – сделал тупое лицо я.

– Примитивный, техногенный, магикальный, биотический...

– Техногенный, наверное.

– Стадия развития?

– Чего?

Джемулан тяжело вздохнул и потер лоб ладонью.

– Да ты что, вообще ничего не знаешь? – устало спросил он. – Даже с зачатками биографии не знаком? Энгах нашелся, тля...

– Ну так просвети меня.

– А я тебе что, учитель? – высокомерно процедил Джемулан. – Делать мне больше нечего, всяких полудурков просвещать.

– А ты бесстрашный, – беззлобно сказал я, отрезая кусочек камбалы собственным когтем. – Не боишься, что я тебя на винегрет порежу?

– Видишь ли, в чем дело, странный уродец... – внимательно посмотрел на меня сид. – Мне довольно скучно быть при тебе куратором. Поэтому я буду искренне рад, если ты на меня

нападешь. В этом случае я смогу быстренько тебя убить и со спокойным сердцем заняться чем-нибудь поинтереснее. Ты меня понимаешь?

– Угу. Предельно ясно.

Про себя я подумал, что еще неизвестно, кто кого. Теперь-то я знаю, чего ждать от этого остроухого, и буду наготове. Если он опять попытается меня скрючить, то узнает, какие хорошие у яцхена рефлексы и как мало времени ему нужно, чтобы убить человека... или сида. Кровь у них течет одинаково.

Но пока что не буду лезть на рожон. Яцхен – зверек добрый и миролюбивый, первым ни на кого не нападает. Что Джемулан хамит и обзывается – плевать, я не обидчивый. Дедушка Торквемада меня тоже называл исключительно «тварью» – ничего ж, не помер. Вон, даже в Библии говорится – блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю.

Так что проявим кротость и не будем резать глупого сида на куски.

– Так что там насчет стадии развития? – дружелюбно поинтересовался я. – Мне так-то все равно, но мы же далеко не уедем, если ты так и будешь от меня нос воротить.

Джемулан скривился.

– Или хочешь, я сам тебя доставлю, – предложил я. – Или даже один слетать могу, делов-то.

– Нет. Пока я твой куратор, перемещением занимаюсь я. А ты даже не думай что-нибудь вякнуть – я замечу, учти.

Мне показалось это странным. Он что, боится, что я его затащу в какой-нибудь мир, где яцхену ништяк, а сид сразу сдохнет? В открытый космос, например, или еще куда...

А неплохая мысль, если задуматься...

– Что у вас там уже изобретено? – продолжил расспрашивать Джемулан, шаря в своем «облаке». – Фабричная промышленность есть?

– Давно уже.

– А молекулярный синтез?

– Вот этого нету.

– Конвейер?

– Имеется.

– Терраформирование?

– Нету.

– Вычислительная техника?

– Есть.

– Нанотехнологии?

– Э-э... планируются, – неуверенно ответил я.

– Но широко не распространены?

– Широко точно не распространены.

– Ясно. Роботостроение?

– Есть... хотя не так чтоб очень много.

– Киберпространство?

– Это как в «Матрице», что ли? – не понял я. – Вроде нету пока что... хотя...

– Телекоммуникации?

– Целая куча.

– Биотехнологическая промышленность?

– А это что такое?

– Шестая стадия, – подытожил Джемулан, засовывая руки глубоко в «облако». – Шестая стадия техногенной цивилизации. Вакуумный мир такого типа по соседству только один. Наверное, твой. Земля, говоришь?..

– Земля.

– Есть Земля, – кивнул Джемулан, поминутно сверяясь со своим «справочником». – Земля-2006, правильно?

– Угу.

– Соседние миры: Эйкр, Хорадзима, Лэнг, Похъёла, Лабиринт, Хвитачи, Пустынь, Парифат, Меру, Идавель, Абзу, Каджети, Девять Небес, Ад, Гугу, Вигинтосферос, Шеол, Тир-Нан-Ог, Йонкрозо, Кальвария, Каф, Кввецоль-Иин, Патала, Ацтлан, Вайкунтха...

– Угу, все правильно, это наши соседи, – подтвердил я. – Хотя про некоторые я впервые слышу.

– Это еще только материальные и полуматериальные миры... – вяло ответил Джемулан.

– А какие еще бывают?

– Энергетические, астральные, полухаотические, недоступные и не поддающиеся четкой классификации. Мы учитываем только такие миры, в которых могут длительное время находиться материальные объекты. Остальные просто пропускаем – а их, кстати, ничуть не меньше, чем материальных. Некоторые даже считают, что гораздо больше... хотя это спорный вопрос.

– Угу.

– Кстати, я где-то уже слышал о твоём мире, – неожиданно заявил Джемулан. – Где же, где же... а, вспомнил. Сестра одно время им интересовалась.

– У тебя есть сестра? – удивился я.

– А почему у меня не может быть сестры? У меня даже две сестры – Бьянка и Орденозия.

– Красивые?

– Это мои сестры, полудурок. Они идеальны.

– Познакомишь?

– Думать забудь. Я всяких уродов к своим сестрам близко не подпускаю.

– Я не урод.

– В зеркало посмотришь.

Надо было обидеться, но чего уж там. Всяким сидам не понять, что истинная красота – в душе. Красота же внешняя хотя и приятна глазу, но ведет к развитию худшего из смертных грехов – гордыни. А значит, стремиться к ней незачем, и коли уж ты уродлив – радуйся этому всем сердцем.

Это меня Торквемада научил, чтобы я не комплексовал.

– Твои сестры тоже энгахи? – спросил я.

– Нет.

– А кто?

– Какое тебе до этого дело?

– Интересно.

– Бьянка владеет музеем искусств, а Орденозия – вот этим рестораном, – неохотно ответил Джемулан.

– А, так вот почему у тебя тут неограниченный кредит... Это она интересовалась моим миром?

– Нет, Бьянка.

– А зачем ей?

– Понятия не имею. Наверное, хотела там что-нибудь украсть для своего музея. Она постоянно носится по разным мирам в поисках всякой дряни. Я этого не одобряю. Много раз ей говорил – бросай, вляпаешься однажды.

– Ты же сказал, что она не энгах.

– У Бьянки есть орбисальт.

– Орбисальт?.. Это что такое?

– Вид континуумохода.

– А это что такое?

– Машина для межмировых путешествий, полудурок.

– Угу. Я это знал, просто забыл.

– Ты долго еще собираешься есть? – сухо спросил Джемулан.

Я внимательно посмотрел на заваленный стол, пару секунд подумал и принялся швырять в пасть жареные крылышки какой-то неизвестной птицы. Надо торопиться, пока у моего куратора не кончилось терпение. Когда еще представится случай так набить топку?

– Ты... – начал выходить из себя Джемулан.

– Здравствуй, братишка, – перебил его женский голос. – Мог бы и предупредить, что заглянешь.

Джемулан замолчал, недружелюбно глядя на подошедшую девушку. Я тоже уставился на нее во все глаза – не отрываясь, впрочем, от заглатывания пищи.

Значит, это и есть Орденозия. Да, действительно очень красивая. С братом у них явное семейное сходство, только сестричка немного ниже ростом, поуже в плечах и с приятными округлостями. Кстати, остроконечных ушей совсем не видно – тщательно спрятаны в прическе.

Выглядит Орденозия лет на двадцать пять. Но на деле ей запросто может оказаться и пятьсот, и тысяча – это же сидка... или сидиха?... или сидица?.. Понятия не имею, как называть женщину-сида. Помнится, Аурэлиэль целую лекцию прочла на тему того, что слово «эльф», как и «человек», женского рода не имеет... наверное, и у сидов так же.

– Как жизнь? – спросила Орденозия, усаживаясь рядом и окидывая меня равнодушным взглядом. – Это кто с тобой?

– Стажер, – буркнул Джемулан. – Я за ним приглядываю, пока не освоится.

– А я думала, ты зверушку завел, – усмехнулась Орденозия.

– Уж лучше бы зверушку.

Я хотел было сказать этим двоим, кто они такие, но у меня не получилось. Все это время я не переставал кушать – скромно и деликатно кушать... пока не обнаружил, что очередной бутерброд не лезет в рот.

Там тупо закончилось место. Я полностью заполнил живот, туго набил горло и теперь из пасти у меня текла какая-то жижа. Джемулан с Орденозией взирали на это с нескрываемым отвращением, а я их даже не осуждал – самому противно. Но я все-таки со вчерашнего вечера не жрамши – даже поросенка не дали скушать... то бишь карася, а не поросенка.

– Я бы на твоём месте выбрала кого-нибудь попримечнее, – облила меня презрением Орденозия. – Это существо перепачкало мою скатерть.

– А что мне еще делать, если у вас тут салфеток нет? – наконец сумел выговорить я. – Облизывать руки я не привыкши, уж звиняйте.

Орденозия посмотрела на меня, как на слабоумного, и опустила руку в небольшое углубление в центре стола. То мгновенно наполнилось водой – искрящейся, жемчужно-прозрачной.

Вот блин. А я-то думал, что это пепельница такая. Курева у меня с собой нет, так что до проверки дело не дошло.

– И кидать кости под стол тоже не надо, – добавила Орденозия.

– Я и не кидаю, – удивился я. – Сами поглядите.

Орденозия недоверчиво приподняла край скатерти и воззрилась на совершенно чистый мраморный пол. Он был настолько чист, что в нем отразилось ее лицо.

– А куда же ты тогда девае... ты их что, тоже ешь? – приподняла брови сидка.

– Я всеядный, – спокойно ответил я. – Дайте мне жареный кирпич с хорошим гарниром – я и его сгрызу.

Судя по выражению лица Орденозии, она не считала, что этим стоит гордиться.

– Я бы на твоём месте была осторожна с этим существом, – заметила Орденозия, обращаясь к брату. – Оно может оказаться опасным.

– За меня не беспокойся, – равнодушно ответил Джемулан.

- Уверен? Его аура похожа на демоническую.
- Я не боюсь демонов. Моя мать охотилась на них всю жизнь.
- И один из них ее убил.
- Не повезло ей, – пожал плечами Джемулан. – Зато отец после этого смог жениться на твоей матери.
- Не повезло ему, – усмехнулась Орденозия.
- Почему? – не удержался я.
- Потому что моя мать убила его отца, – мерзко улыбнулась Орденозия.
- Он был и твоим отцом тоже, – сухо напомнил Джемулан.
- Это не значит, что я должна ему сочувствовать. Кстати, вы долго еще собираетесь меня объедать?
- Как только вот этот полудурок насытится, – с отвращением покосился в мою сторону Джемулан. Орденозия тоже скривилась.
- Все-таки чувствуется, что сиды – одна из рас эльфов. Этот вечный эльфийский снобизм из них так и прет. Смотрят на меня, как на вошь последнюю.
- Ладно, я наелся, – прохрипел я, ковыряя в зубах кончиком когтя. – Можем прыгать.
- Куда на этот раз, братишка? – осведомилась Орденозия.
- Сначала в Вур, – ответил Джемулан. – Потом на Землю-2006.
- Вур?.. – не понял я. – Что еще за Вур? Земля же с Эйкром по соседству.
- Вначале мне нужно сделать еще одно дело.
- Что еще за дело?
- Приказ шефа. Нам с тобой велено устранить нашего бывшего агента Вихрпул по прозвищу Рубака.
- За что?
- Он убил другого энгаха.
- За что?
- Случайно, по всей видимости, – пожал плечами Джемулан. – Но это не имеет значения. Убийство или покушение на убийство коллеги у нас всегда карается смертью.
- Угу. И где мы его будем искать? Как я понимаю, энгах может быть... где угодно.
- Но тебя же я нашел, верно? А с Рубакой еще проще. Его Слово было вычеркнуто, он больше не может перемещаться. Застрял в Вуре – это мир в двух шагах отсюда. И мы туда сейчас отправляемся.

Глава 6

В мире между Эйкром и Вуром мы пробыли от силы минут десять, но впечатления я получил незабываемые. Сами представьте – висишь в пустоте, залитой льющим из ниоткуда светом, и видишь далеко-далеко впереди... самого себя. Свою собственную спину.

Я повернулся в другую сторону – и там тоже увидел себя, смотрящего в противоположную сторону. Посмотрел наверх – увидел в необозримой дали пару когтистых ступней и хвост со скорпионьим жалом. Посмотрел вниз – уперся взглядом в собственную макушку и заостренный гребень-полумесяц.

Я видел самого себя везде, куда бы ни глядел – и рядом с каждым из меня стоял... висел Джемулан. Все пространство вокруг усыпано нами двумя.

Хотя приходилось очень пристально вглядываться, чтобы понять, что это такое. Не обладай я таким острым зрением, не различил бы ничего, кроме микроскопических точек. Очень уж большое расстояние.

Конечно, мне стало интересно, что же все-таки я вижу. Я пустил в ход Направление и пораженно понял, что смотрю не на какой-то мираж или оптический обман. Я реально вижу самого себя. А значит, мы находимся в очень, ну просто очень мизерном мире.

Поначалу я подумал, что это анклав. За время шляния по мирам анклавов я повидал немало – и большую их часть вполне реально облететь за считанные дни... ну пусть недели. На этот, судя по всему, достаточно и часа.

Однако Джемулан весьма меня удивил, сообщив, что это не анклав, а полноценная вселенная. Я попросил разъяснений, и он скороговоркой поведал, что вселенные, как известно, бесконечны – и это действительно так. Однако планеты тоже в определенном смысле бесконечны – или вы можете найти у шара начало и конец? Вселенная классического типа – четырехмерная гиперсфера... или, в случае Эйкра, четырехмерное кольцо Мёбиуса. Если очень-очень долго лететь в одном направлении, в конце концов вернешься на то место, с которого начинал – в этом и заключается бесконечность вселенной.

Другое дело, что проверить это на практике невероятно трудно, поскольку протяженность этой гиперсферы – миллиарды световых лет... или даже сотни миллиардов. Тем не менее порой встречаются вселенные и поменьше... а изредка бывают и совсем крошечные. Такие, как эта. Обладая острым зрением, здесь можно увидеть собственную спину – очень-очень далеко впереди.

На этом месте я перебил Джемулана, спросив, чем же в таком случае нормальная вселенная отличается от анклава.

– Расположением в метапространстве, – ответил сид. – У полноценной вселенной собственная «клетка в таблице», а анклав – это просто замкнутый кусочек пространства, отделенный или отделившийся от какой-нибудь вселенной. Своего рода пузырек между мирами... или даже внутри мира.

– Надо же. А я думал, что мир от анклава отличается только размером.

– Распространенная ошибка. Мир, или вселенная – это самостоятельный четырехмерный континуум, а мирок, или анклав – пространственный сегмент, обособленный от родительского континуума, – повторил еще раз Джемулан. – Но поскольку настолько крошечные вселенные – огромная редкость, многие путаются в терминологии и называют анклавами все маленькие миры скопом.

– Это да, патрон, – подтвердил внимательно слушавший Рабан. – Мы с Волдресом так всю жизнь и делали.

– Кстати, ты нас видишь? – спросил Джемулан, пристально вглядываясь в даль.

– Нас – которые здесь, или других нас – которые там?..

- Которые там.
- Вижу.
- А я нет... хотя раньше видел.
- Зрение ухудшается? – посочувствовал я.
- Зрение у меня идеальное.
- Тогда в чем дело?
- Кажется, мы уже договорились, что я тебе не учитель, – высокомерно ответил сид. – Давай руку, полудурок, прыгаем в Вур. Совершенно незачем тут болтаться.
- Может, я все-таки сам нас переброшу? – предложил я. – Ну тебе что, жалко?
- Ты не сможешь.
- Почему это?
- Мы ограничили твое Слово стажерскими правами, – неохотно сообщил Джемулан.
- И что это значит?
- Ты можешь перемещаться сам, но не сможешь никого взять с собой.
- То есть...
- Да. Если ты попытаешься перебросить нас, то перепрыгнешь один – я останусь здесь. Так что пока я твой куратор – перемещением занимаюсь я.
- И долго это будет продолжаться?
- Зависит от твоего поведения. Давай руку.

Я молча сунул Джемулану среднюю левую ладонь, с трудом подавляя желание выпустить когти.

Перед тем, как переместить нас, сид на миг задумался, крутанул пальцами, создавая крошечное облачко, и достал из кармана что-то вроде пудреницы. Оттуда он извлек пару желтых конусов, которые тут же сунул себе в ноздри, и еще какой-то шарик, который запихал куда-то в горло.

– Кстати, как у тебя с дыханием? – неохотно спросил меня Джемулан, покончив с этой процедурой.

- Лучше всех. Вообще не дышу. А что?
- Ничего. Раз не дышишь, все нормально.

Через минуту я понял, в чем дело. Безымянная крошка-вселенная, где мы находились до этого, то ли была заполнена нормальным воздухом, то ли ее физические законы попросту не подозревали о такой вещи, как «дыхание». За время своих странствий я встречал миры, в которых вообще невозможно задохнуться. Легкие перестают функционировать, превращаются в бесполезный атавизм.

Однако этот новый мир, Вур... в нем воздуха было вдосталь, но он явно не подходил ни для человека, ни для сида.

Очень-очень плотный воздух. Лишь чуть разреженнее воды. Не совсем бесцветный – в целом видимость нормальная, но хуже, чем на родной Земле. Куда ни глянь, везде плавают каменные глыбы, похожие на исполинские пальцы. Метров по пятьсот в высоту, нижняя часть слегка сужена, оканчивается округлым «набалдашником». Между глыбами во множестве снуют ярко-красные рыбоподобные создания. Изредка попадаются и другие – нежно-голубые, похожие на мурен с длинными плавниками.

Как и в крошечной вселенной до этого, никакой тверди у нас под ногами не было. Правда, не было и невесомости, как там. Мы висели в этом сверхплотном воздухе... или разреженной воде, медленно погружаясь на дно... во всяком случае, я думаю, что где-то там внизу должно быть дно. Пока что я вижу только бесконечную синеву – что наверху, что внизу. Определить силу тяжести в таких условиях трудно – но мне показалось, что она меньше земной.

Джемулан кратко сообщил, что Вур – газовый гигант. Его ядро безжизненно, зато плотная и густая атмосфера населена разумными существами – ольквари. Мы сейчас находимся не где-нибудь, а в одном из крупнейших их городов – Воруннохе.

Эти плавающие вокруг каменные глыбы – не что иное, как здания. Огромные здания. Однако жильцов в них относительно мало – в каждом по паре сотен, не больше. Маловато для небоскреба, изначально рассчитанного на десять тысяч.

Цивилизация ольквари переживает упадок. Эти существа достигли высот прогресса, обеспечили себя всем, что могли пожелать, победили болезни и голод, покончили с войнами и преступностью. Даже деньги, и те были отменены – наступило такое изобилие, что все товары и услуги стали бесплатными. Большая часть работ перешла на плечи машин, а себе ольквари оставили только интересные и приятные занятия.

Так наступила стагнация. У ольквари было все – и исчез стимул развиваться. Незачем было что-то делать, ни к чему было работать или учиться – зачем, если можно жить без забот на всем готовом? Немногочисленная часть населения занималась наукой, философией, искусством или спортом – остальные не делали даже этого. Планета превратилась в подобие Сиба-риса – древнего города роскоши и неги.

Сейчас на всем Вуре едва ли наберется сотня миллионов жителей, тогда как тысячу лет назад их было больше двадцати миллиардов. Большинство семей ольквари ограничивается одним ребенком, а многие и вовсе умирают бездетными. В размножении попросту исчезла необходимость – благо живут ольквари двести лет с гаком. Наверное, пройдет еще несколько веков, и они окончательно вымрут.

– Да, когда слишком много хорошего – это тоже плохо... – философски произнес я. – А почему этот ваш Рубака...

– Вихрпул, – поправил Джемулан.

– Да мне пофиг. Почему он решил осесть здесь?

– У него не было выбора. Как только его преступление было обнаружено, мы вычеркнули его Слово. Он застрял там, где находился в тот момент.

– А ольквари умеют путешествовать между мирами?

– Не умеют. Это техногенная цивилизация одиннадцатой стадии. Они не создали ни континуумоходов, ни межпространственных врат. Зато освоили межзвездные перелеты.

– Угу. Значит, этот Рубака...

– Вихрпул.

– Пофиг. Значит, он может смотреться на другую планету?

– Может. Но он здесь.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую, – раздул ноздри Джемулан. – Я могу найти любого нашего агента – действующего или уволенного. Действующих, вроде тебя, нахожу сразу же. С теми, чье Слово вычеркнуто, возиться приходится дольше, но рано или поздно я их все равно нахожу.

Угу. Видимо, что-то вроде моего Направления. Фирменная примочка агентов ОВР, надо полагать. Или какая-то хитрая приبلуда – техническая, магическая, техномагическая...

Мне потребовалось немного времени, чтобы привыкнуть. Я отлично летаю по воздуху и великолепно плаваю в воде, но здешняя среда – нечто промежуточное. Размахивать крыльями в полную силу не получается, но и совсем ими не пользоваться нельзя – начинаешь медленно погружаться. Некоторое время покутырявшись из стороны в сторону, я свернул крылья, зацепившись кончиками за бедра, однако оставил достаточное количество перепонки, чтобы получился своеобразный плащ-парус. Помогая себе хвостом и загребая всеми шестью ладонями, я приспособился двигаться с довольно приличной скоростью.

Зато у Джемулана дела шли из рук вон плохо. За неимением крыльев он был вынужден плыть так же, как плыл бы в воде, но вокруг все-таки воздух – очень плотный, и тем не менее

воздух. Сид греб с бешеной частотой и болтал ногами так, словно взбивал масло, однако большая часть этих усилий уходила на то, чтобы просто не погружаться. Двигался он не быстрее бабульки на надувном матрасе.

Поскольку так мы и до Рождества никуда бы не доплыли, я взял Джемулана на буксир. С грузом моя скорость резко снизилась, но все же километров двадцать в час мы делали. Лучше, чем ничего.

Лавируя между исполинскими глыбами-зданиями, я гадал, каким образом они держатся в воздухе. Судя по внешнему виду, весить эти дуры должны миллионы тонн. Однако висят себе на одном месте, лишь чуть-чуть колеблются вверх-вниз.

При ближайшем рассмотрении каждое здание оказалось испещрено отверстиями, затянутыми стекловидным веществом. Роль дверей играли мембраны-занавеси снизу и сверху – однако в них никто не входил и никто не выходил. Мы вообще пока что не встретили ни одного ольквари – только рыбо- и муреноподобные создания, явно играющие здесь ту же роль, что воробы и голуби в земных городах.

Пару раз приходилось сворачивать с дороги, избегая падающих или всплывающих фиговин. Джемулан объяснил, что это две главные опасности Вура – «жженные пробки» и «жировые пятна».

«Жженные пробки» – это крохотные метеориты, которые довольно часто падают с местного неба. Они искусственного происхождения – вокруг планеты вращается плотное кольцо космического мусора, накопившегося за последние тысячелетия. Ольквари давно перестали интересоваться космосом. Вся эта дрянь постепенно сходит с орбиты и периодически шмякается вниз. «Жженными пробками» их называли за внешнее сходство – они сильно обгорают, пока летят в плотной атмосфере Вура. Скорость падения у них не особенно высокая, но если долбанет по башке – пишите письма родителям.

Ну а «жировое пятно» – это алая маслянистая субстанция в форме пузыря. Если «жженные пробки» падают сверху, то «жировые пятна» поднимаются снизу – из ядра планеты. Большая часть Вура – плотный газ, но в центре расположена жидкая масса. Когда в нее что-то падает (какой-нибудь мусор или та самая «жженная пробка»), то брызги образуют легкие, почти невесомые пузыри, которые устремляются в верхние слои атмосферы. Для местных живых организмов (да и для человека) эта субстанция смертельна. Насчет яцхена не знаю, но проверять не хочу.

А немного погодя я наконец увидел и туземцев. Двое ольквари медленно плыли-летели далеко под нами. Я не знал, насколько именно далеко, поэтому не мог оценить размеры. Удивительно красивые создания – ярко раскрашенные, похожие на помесь морского ската и какой-то райской птицы. Большая часть тела – сине-алый плащ, из-под которого тянется длинный извивающийся хвост.

Голов я не увидел – они скрывались под округлыми «капюшонами». Там же прятались и конечности – Джемулан сказал, что у ольквари нет ног, зато рук целых шесть, совсем как у меня. На каждой четыре крючковатых пальца с коготками, с помощью которых ольквари выполняют тонкую работу и очень ловко лазают по отвесным поверхностям.

Я удивился, зачем это нужно существам, живущим на газовом гиганте, но Джемулан сообщил, что атмосфера Вура изобилует парящими скалами – именно их ольквари переделывают в здания. А вот ноги им действительно не нужны – встретить на этой планете горизонтальную поверхность удается не часто.

Мы плыли в этой безбрежной синеве добрых полтора часа, встретив за это время лишь шестерых прохожих... пропльвожих... пролетожих... сами решайте, как их называть. Воруннох выглядел спящим, как российские города утром первого января. Везде ощущение запустения, заброшенности.

Никакого транспорта я не видел вообще. Неужели ольквари передвигаются исключительно своим ходом? Или они до такой степени деградировали, что разучились пользоваться технологиями, превратившись в нечто вроде элоев Уэллса?

На этот вопрос Джемулан не ответил. Его вообще порядком раздражало мое неумное любопытство – самому-то ему, чувствовалось, было трижды наплевать на туземцев и на их мир. Он никогда раньше не бывал в Вуре, а всю информацию о нем почерпнул из своего облачка-компьютера... кстати, прикольная штука, тоже такую хочу.

– А меня тебе уже мало, патрон? – обиделся Рабан.

– Тобой пользоваться неудобно.

– А ирбинкобоем ты пользоваться вообще не сможешь. Это же не прибор, а материализованное заклинание, внедренное в плоть и кровь. Чтобы им овладеть, нужно пройти специальные курсы.

– Длинные?

– Когда мы с Волдресом проходили обучение, упрощенный пакет состоял из двенадцати занятий, а полный – из тридцати. Но это только чтобы пользоваться готовыми ирбинкобоями, которые уже полностью настроены и запрограммированы. К тому же до начала занятий уже должны иметься базовые навыки по применению внедренных материализованных заклинаний как таковых. Если хочешь...

– Достаточно, я понял. Эту штуку изучают все энгахи?

– Нет, это дополнительные курсы. За отдельную плату.

– Волдрес ее проходил?

– Зачем? У него же был я. Я же гораздо лучше, патрон.

– Ты знаешь не все.

– Эта штука тоже знает не все, а только то, что в нее вложили. Если ты про терминологию – что есть анклав, а что не есть анклав... извини, патрон, но на этот счет есть разные версии. Я вот по-прежнему считаю, что предыдущий мир следует называть анклавом. Проще разделять по размерам, чем по... всякой непонятной ерунде.

– А Джемулан считает по-другому.

– А еще он считает тебя кучкой дерьма. Кому ты больше веришь, патрон, мне или ему?

Я неопределенно мотнул плечами. Джемулан и без того уже начал на меня коситься, слыша, как я что-то бормочу себе под нос. Со стороны мои диалоги с Рабаном выглядят странно – его-то реплик никто не слышит.

Ну и плевать мне, собственно. Джемулан знает, что у меня есть мозговой полип керанке, так что должен понимать, с кем я разговариваю. А если он об этом забыл... это ведь его проблемы, нес па?

На нас напозла огромная тень. Я плавно перевернулся на спину и увидел нечто вроде исполинского дирижабля, плывущего в километре над вершинами парящих скал-зданий. Судя по тому, что у «дирижабля» были плавники и хвост, которым он медленно покачивал из стороны в сторону – это живое существо. Какой-то небесный кит.

Громадный, падла. Наши земные киты рядом с ним – гуппи аквариумные. Интересно, чем он там питается?

Меня этот вопрос всегда почему-то интересует в первую очередь.

Я не успел удовлетворить любопытство. Джемулан дернул меня за руку, поворачивая к зданию слева. Похоже, нашел цель.

Мы проникли внутрь через мембрану-занавесь в самом низу парящей скалы. Она чуть слышно чмокнула, пропуская сначала Джемулана, затем меня, и мы оказались в просторной шахте, стержнем проходящей через все здание. Кое-где виднелось движение – внутри ольквари оказалось несколько больше, чем снаружи.

Вот, значит, как выглядит подъезд типичного вурского дома. Один вход внизу, один – наверху, а все стены усыпаны дверями-мембранами, ведущими... видимо, в квартиры. Кольцо за кольцом, вдоль шахты-подъезда поднимаются тысячи квартир. Над каждой мембраной виднеется панель с хитрым значком – то ли номером квартиры, то ли именем квартиранта. Некоторые из них ярко светятся, однако большинство темные.

Никаких лестниц нет и в помине. Зачем нужны лестницы тем, у кого нет ног? Пол вообще не имеет большого значения для ольквари – они ведь даже спят в вертикальном положении, плотно прилепившись к стене.

Зато здесь есть лифты. Правда, я их сначала не распознал – ничего похожего на наши кабинки. На стенах тут и там висят голубые комковатые штуковины – при необходимости ольквари просто цепляются за одну из них и взмывают ввысь. Или опускаются. Как они ими управляют, я не понял – никаких кнопок, никаких сенсоров. Вслух они тоже ничего не произносят – да и вообще я пока не знаю, как они общаются.

На нас не обращали особого внимания. Ольквари поглядывали с любопытством, но не более. Джемулан упомянул, что хотя между мирами эти существа путешествовать не умеют, зато межзвездные перелеты освоили давным-давно. Инопланетяне здесь встречаются не чаще, чем негры в современной Москве, но все же этого достаточно, чтобы всякие странные уродцы не вызвали удивления.

Уж не знаю, за кого нас здесь принимают – за инопланетных туристов, эмигрантов или вообще гастарбайтеров, но местные городские пока что не докапываются. И слава богу, а то с документами у меня традиционно плохо. Кроме патента энгаха ничего нет, да и тот сейчас у Джемулана.

А Джемулан тем временем вытянул из нагрудного кармана... меч. Если бы у меня были брови, они бы сейчас полезли на лоб – настолько неожиданным это оказалось. Нет, конечно, за последние полтора года я повидал больше, чем обычный человек видит за тысячу жизней, но это все равно оказалось неожиданным.

Я уже говорил, что не ожидал увидеть ничего подобного?

Да, так вот, об этом мече. Я не особенно разбираюсь в холодном оружии – будучи человеком, я его и в руках-то держал всего пару раз, а ящкену более чем достаточно природного арсенала. И все равно я сразу понял, что меч этот стоит бешеных денег. Как же иначе, если у него в рукояти рубин размером с кулак?

Сам клинок тоже впечатлял. Голубоватого оттенка, с узорчатыми разводами, удивительно тонкий и гибкий. Джемулан взялся за кончик двумя пальцами и без усилий согнул лезвие в кольцо – но стоило его отпустить, как оно мгновенно распрямилось.

Осмотрев свое оружие со всех сторон и не найдя никаких изъянов, Джемулан засунул его обратно в нагрудный карман. Фокус, достойный Акопяна.

– Поднимаемся, – скомандовал сид, резко загребая ладонями.

В здании воздух был таким же плотным и густым, как снаружи. И в нем точно так же можно было плавать. Мы очень медленно, спиралью двинулись вверх – все выше и выше, пока не добрались до сто восемнадцатого этажа. Номер был написан здесь же, на стене.

– Здесь, – коротко бросил Джемулан, цепляясь рядом с одной из мембран. – Он здесь.

До этого момента Джемулан двигался открыто, не скрываясь. Теперь же, когда мы оказались перед входной дверью, он резко замедлил темп.

Первые пять минут сид вообще не шевелился. Он неподвижно висел на стене и пристально смотрел на мембрану рядом. Его остроконечные уши чуть заметно подрагивали.

Потом Джемулан сделал нечто странное. Он сложил ладонь лодочкой и медленно провел ею рядом с мембраной, напряженно морща лоб. Другой рукой он крепко держался за стену.

Я его не отвлекал, ни о чем не спрашивал. Направление уже подсказало мне, что перед мембраной присутствует нечто невидимое и неосязаемое... не знаю, что это, но Джемулан его

явно тоже чувствует. Или по крайней мере догадывается о присутствии этой... сигнализации?... ловушки?..

Сид водил рукой минуты две – а потом словно схватил что-то и дернул на себя. Я невольно вздрогнул – ощущение было такое, словно раздался хлопок... совершенно беззвучный хлопок. Не знаю, как это описать понятными словами. Если у вас есть чувство Направления, сами поймете, что я имею в виду. А если нет... ну это ваши проблемы, угу?

– Здесь не пройдем, – попытожил Джемулан. – Двойной блок Залкра. Без специального инструмента не взломать.

Он отцепился от стены и парой мощных гребков подплыл к соседней двери-мембране. Там не было никакого замка – Джемулан просто толкнул головой, и мембрана с легким чавканьем раздвинулась.

За ней оказался коридор в форме круглой трубы. Налево и направо отходили ответвления, оканчивающиеся небольшими комнатками, но Джемулан плыл все время прямо.

Добравшись до самого конца, мы очутились в главном помещении – огромном зале каплевидной формы. Пола как такового в нем не было – стены постепенно сужались, пока не сходились в небольшом черном отверстии. Потолок был, но его полностью скрывали переплетения трубок и проводов. Ну а мебель и приборы крепились к стенам.

Здесь же был и хозяин квартиры. Хрупкого вида ольквари висел в замысловатой сбруе, всеми шестью руками производя какие-то манипуляции над разноцветными голограммами, окружавшими его со всех сторон. От потолка к нему тянулись два провода, воткнутые в область висков, и гибкая трубка, из которой ольквари что-то с причмокиванием высасывал.

Увидев нас, хозяин даже не подумал удивиться или испугаться. Он лишь слегка поднял голову и зашевелил пальцами. На стенах ожили два манипулятора, оканчивающихся моргающими глазками, – они изогнулись и уставились прямо на нас.

– Мои пятьсот семьдесят три брата смотрят на вас с интересом, – прострекотал ольквари. – Шестьдесят один из них уже прокомментировал ваше посещение. Среди комментариев семнадцать – позитивные, шестнадцать – негативные, двадцать семь – нейтральные, один – бессмысленный набор символов. Выпьете что-нибудь?

Я понимал каждое слово. При перемещении мы, как и положено, получили знание местного языка. Однако ответить я при всем желании не мог – у меня не получилось бы издавать подобный стрекот. Ольквари ведь даже не использовал рта – в нем по-прежнему торчала питательная трубка. Звуки доносились откуда-то из области груди.

Подождав немного и решив, видимо, что молчание – знак согласия, ольквари быстро зашевелил пальцами одной из рук. От стены тут же отделилось устройство, похожее на металлический шар, увенчанный подносом. На нем возник желтый бесформенный комок, который тут же заколебался и превратился в накрытый крышечкой бокал, полный густой бурлящей пены.

Этот бокал робот поднес мне. Я осторожно поднял крышечку и внимательно посмотрел на содержимое. Выглядело оно не очень аппетитно. Яцхена довольно сложно отравить, но если жрать все подряд на чужих планетах, можно и заразиться чем-нибудь...

Джемулан не обращал на меня никакого внимания. Он молча подплыл к левой стене, извлек из кармана штуковину, похожую на карманный фонарик, и начал прыскать из нее каким-то спреем. Закончив с этим, он махнул мне рукой и... принялся протискиваться сквозь стену. Твердая поверхность словно превратилась в гель – податливый, свободно пропускающий сквозь себя. Через несколько секунд из стены торчали уже только ступни, и я поспешил следом.

Пригубить предложенный напиток я так и не рискнул.

– Число комментариев достигло двухсот двадцати девяти! – прострекотал мне вслед хозяин квартиры. – Семидесяти трем моим братьям вы нравитесь!

Подсознательно я ожидал, что изгнанный энгах Рубака – человек. Но он оказался в лучшем случае человекоподобным. Полтора метра ростом, скрюченный, весь покрытый серовато-желтой шерстью, он восседал в подобии автомобильного кресла, прикрепленного к стене, как и любая другая вурская мебель. Я успел заметить, что вместо ног у этого существа растет еще одна пара рук – а потом он мигнул... и исчез.

– Шикуратр аскр кикхчшорр кцкххх ашкшашх эксерцк ции!.. – раздалось откуда-то сверху. – Сарру чшак!

Джемулан ответил на том же скрипучем языке. Впрочем, беседовали они недолго – пара реплик с обеих сторон, и тут же перед нами мелькнула смутная тень, выплывшая два бритвенно-острых лезвия. Одно вонзилось мне в грудь, легко распоров хитиновую броню, второе исчезло в яркой вспышке, возникшей перед лицом Джемулана.

– Торокши, – холодно произнес тот, делая резкое движение. В его ладони объявился меч с рубином на рукояти, а из воздуха вывалился обезьяноподобный Рубака... пронзенный насквозь.

Он был еще жив. Медленно погружаясь на дно... на пол, он хрипел и кашлял, сплевывая кровавые сгустки, зажимал ладонями дыру в животе и с ненавистью глядел в лицо Джемулану.

Тот равнодушно вытер лезвие о шерсть противника и вернул меч в нагрудный карман. Все произошло феноменально быстро. Я не успел ничего сделать – впрочем, и не пытался. Задание было поручено Джемулану – пусть он с ним и разбирается.

Джемулан не позаботился о том, чтобы добить умирающего. Однако уходить он тоже не торопился. Сид смотрел на агонию Рубаки холодно и отстраненно, но вместе с тем очень внимательно, словно желая запечатлеть в памяти каждое мгновение.

– Вы с ним были врагами? – поинтересовался я.

– Я его почти не знал, – с легким удивлением ответил Джемулан. – Почему ты решил, что мы враждовали?

– Показалось просто. Может, пойдём уже?

– Ещё немного, – продолжал смотреть Джемулан.

Глава 7

Я посмотрел на заснеженные крыши и почувствовал, что на душе становится теплее. Возвращение на родину – это всегда приятно.

Вур и Землю разделяет три шага, так что пришлось пройти через два промежуточных мира – Оркаллу и Пустынь. В том и другом мы провели считанные минуты, но Пустынь я узнал. Тот самый мир степей и пустынь, с которого началась моя карьера энгаха. Именно в Пустынь Рабан перенес меня в самый первый раз. Даже ностальгия нахлынула.

А теперь мы на Земле. В России. В Москве. Мы высадились на крыше одной из многоэтажек – самое надежное место, чтобы не спалиться. Законопослушные граждане редко лазят по крышам, а незаконпослушные сами не хотят спалиться, так что наши интересы совпадают.

Последний раз я был на Земле... в июне, кажется. Да, точно, в первых числах июня. А сейчас на дворе декабрь... или уже январь? Неужели я пропустил Новый Год? Беда невелика, конечно, но все-таки досадно...

Я посчитал на пальцах – нет, все-таки декабрь. Хотя точное число не назову.

Солнце уже близится к закату – еще часок, и станет совсем темно. Надо позаботиться о ночлеге – не знаю, как скоро нам удастся разыскать Палача, но лучше быть готовым ко всему.

– Это и есть твой мир? – осведомился Джемулан, брезгливо разглядывая панораму заснеженной Москвы.

– Он самый, – гордо подтвердил я. – Нравится?

– Убожество, – коротко резюмировал сид. – Впрочем, от людей не стоит ждать многого.

– Да куда уж нам... – саркастично хмыкнул я, подавляя желание сбросить этого сноба с крыши.

Интересно, сиды умеют летать?

Джемулан подошел к парапету, внимательно разглядывая улицу и прохожих. Постояв так немного, он достал из-за пазухи зеркальце с расческой и принялся расчесываться. Пара секунд – и остроконечные уши полностью скрываются под волосами. Теперь его не отличишь от человека... если не считать костюма. Для наших мест фасончик стремноватый.

Однако Джемулан исправил и это. Он покрутил пуговицу на воротнике, пошевелил губами... и вся его одежда в мгновение ока изменилась. Теперь сида окутывал белый хитон из тонкой ткани, а поверх был наброшен шерстяной плащ, застегнутый пряжкой на правом плече. Вместо сапог на ногах появились ременные сандалии.

Изменилась даже косметика. Двойное S со лба исчезло, волосы утратили лакированный блеск – зато на щеках появились явные признаки румян, а на губах – помада.

– Неплохо, – оценил я. – Магия?

– Просто костюм-перевертыш, – ответил Джемулан. – Сам подстраивается под культурную среду.

– Как-то он хреново подстраивается.

– Почему? Разве это не земная одежда? – с сомнением спросил Джемулан, ежась от холода.

– Угу. Земная. Правда, носили ее пару тысяч лет назад... и не здесь, а в Греции, – с удовольствием сообщил я.

Джемулан поморщился и снова принялся крутить пуговицу. Костюм тут же изменился – теперь сид красовался в длинной шерстяной тунике, штанах и белом плаще, украшенном пурпурным ромбом. Также на нем появился золотой пояс и куча разных блях и застежек. Вместо сандалий вернулись сапоги – на сей раз обтягивающие, расшитые яркими узорами из шелковых нитей.

– Как теперь? – осведомился Джемулан.

– Лучше. Где-нибудь в Византии тебя точно приняли бы за своего.

В третий раз Джемулан крутанул пуговицу. Кстати, она единственная постоянно оставалась на своем месте.

Результат однозначно улучшился – теперь сид был одет в несомненно русский костюм. Белый атласный зипун, поверх него расшитый золотом кафтан с высоким стоячим воротником, а поверх кафтана – распахнутая меховая шуба до самых пят. На голове появилась высокая шапка из меха чернобурой лисы, а на ногах – алые сапожки.

– Исполать тебе, боярин, – ехидно хрюкнул я. – Как там царь-батюшка поживает, Казань взял уже?

По моему тону Джемулан понял, что опять не попал, и принялся терпеливо работать дальше. Шуба на нем осталась, но изменила фасон. Кафтан превратился в сюртук с пуговицами на талии, зипун – в рубашку с загнутым воротником. На шее появился галстук, на пальцах – золотые перстни, из жилетного кармана высунулась цепочка от часов.

– Почти! – восхитился я. – Еще сотня лет, и мы у цели!

Только с пятого раза Джемулан наконец добрался до цели. Современный деловой костюм, дубленка на меху, зимние ботинки, шапка, наручные часы. И ни следа косметики.

– Ну вот это пойдет, – одобрил я. – Что же ты с первого раза так не оделся?

– Костюму нужно время, чтобы подстроиться под культурную среду.

Я еще раз осмотрел его и остался доволен. Теперь даже самый внимательный глаз не распознает в Джемулане нелюдя, прибывшего из другого мира.

Зато меня даже слепой не примет за человека.

На Земле-1691 я худо-бедно маскировался с помощью монашеской рясы. Надвинул капюшон поглубже, руки спрятал в рукавах – особо и не заметно. Но тут такая маскировка не прокатит – монах-доминиканец на улицах современной Москвы явление нечастое. Даже не припомню, когда я в последний раз видел у нас кого-то подобного.

– Думаю, нам придется разделиться, – неохотно сказал я.

– Нет, – отрезал Джемулан. – Пока не докажешь, что тебе можно доверять, я буду тебя сопровождать.

– Да я уже большой мальчик, мне не нужно помогать.

– Я и не собираюсь тебе помогать. Задание твое – работаешь ты и только ты. А я буду за тобой присматривать – чтоб ты еще чего не напортачил. Напортачишь – убью.

– Знаю уже. Как ты меня сопровождать-то собрался? Это тебе ништяк, ты на человека похож. В целом. А я как должен среди людей ходить, такой страшный?

– Ну, этому горю нетрудно помочь... – протянул Джемулан.

– Сухарей не хочу, – ответил я.

– Что?..

– Да ничего, это я о своем...

Джемулан смерил меня очень странным взглядом и протянул небольшой кулон с зеленым камушком.

– Маскировочный амулет, – коротко прокомментировал он.

А вот это меня обрадовало. Сколько я шлялся по мирам, но почему-то мне даже в голову не пришло обзавестись чем-нибудь подобным. А ведь в том же Миргороде наверняка можно достать...

– Спасибо, – надел кулон я. На моей голове без шеи он висел кривовато, но ничего, не свалится. – М-м... а как его включить?

– Крикни изо всех сил: «Властью Огня и Земли! Во имя Луны и Звезд, Кулон Теней и Огней, дай мне Великую Силу Правды и Справедливости!»

– Обязательно громко кричать?

– Обязательно. Как можно громче и проникновеннее.

Я неохотно откашлялся и заорал во все горло:

– Властью Огня и Земли! Во имя Луны и Звезд, Кулон Теней и Огней, дай мне Великую Силу Правды и Справедливости!!!

Ничего не произошло.

– Эй, он по-прежнему не включается! – возмутился я.

– Просто еще нужно встать на одну ножку и прокукарекать, – доброжелательно сказал Джемулан.

– Да ты что, издеваешься?! – не выдержал я.

– Конечно, – совершенно спокойно произнес Джемулан. – Нужно просто повернуть камень в оправе. Мне просто было интересно, достаточно ли ты глуп, чтобы поверить в такую чушь.

Я почесал головной гребень, размышляя, злиться ли мне или ну его нафиг. Досадно, конечно, что я купился, как маленький... вечно со мной так. Доверчивый я слишком.

– Знаете, Евгений Ваганович, яцхена каждый обидеть может... – зловеще сказал я, поворачивая камень в оправе. – Но подумайте о том, стоит ли это делать... Те, кто ссорятся с яцхенами, обычно плохо заканчивают...

Повернув камень в оправе, я внимательно посмотрел на свои руки. По-прежнему шесть. Ничего не изменилось.

– По-прежнему работает, – кивнул Джемулан, глядя на меня. – Пошли.

– Где работает-то?

Вместо ответа Джемулан молча показал мне зеркало. Я зачарованно уставился на свое отражение... на совершенно человеческое лицо. Светлые волосы, всего лишь два глаза, пара ушей, нос с аккуратными ноздрями, пухлые губы, длинные ресницы... какого хрена?!

– Это что такое?! – прохрипел я, выхватывая зеркало. – Какого хрена я выгляжу, как баба?!

– Этот кулон принадлежал моей бабушке, – пожал плечами Джемулан. – У него только один образ – вот этот.

– Но он женский!

– Другого нет.

– [цензура], ну ты... кстати, а зачем твоей бабушке понадобилось косить под человека? Вы же и так почти не отличаетесь.

– Ты не видел мою бабушку... – криво усмехнулся Джемулан.

Я еще раз осмотрел свое временное лицо и тело. Довольно симпатичное, и фигурка ничего... но я бы все же предпочел мужскую личину.

– Давай стоняем, купим другой кулон, – предложил я.

– Купи, – пожал плечами Джемулан. – У тебя деньги есть?

– Нету. Но ведь у тебя должны быть.

– У меня-то есть. Только я тебе не дам.

– Жлоб.

– И так перебьешься. Какая тебе разница, как выглядеть?

– Ну да, сам-то небось под бизнесмена косишь, а не под бомжа... – пробурчал я. – Вон, часы швейцарские нацепил...

– Я – это другое дело, – спокойно ответил Джемулан. – Я воплощенное совершенство и должен всегда выглядеть идеально. А ты кто такой?

И действительно – кто я такой в сравнении с ним? Так, дерьма кучка...

– Кстати, голос у тебя тоже изменился, – сообщил Джемулан. – Твой реальный тембр к этой личине... не очень подходит.

Дверь на крышу была закрыта изнутри. Джемулан посмотрел на меня с видом строгого экзаменатора – разве что блокнот не достал. Сам он явно не собирался ничего делать.

Впрочем, запертая дверь – одна из тех проблем, которые я решаю одним движением руки. Полоснул аккуратненько когтем – и замок разваливается надвое. На площадке девятого этажа никого не оказалось, так что нашего появления никто не заметил.

Выйдя из подъезда, я запоздало сообразил, что одет не по погоде. Нет, мне-ящхену никакая одежда вовсе не нужна – я и в Антарктиде не замерзну. Но вот моя нынешняя личина... девушки обычно не разгуливают по декабрьской Москве в легоньком сарафане и босоножках. Снег идет, сугробы кругом – а я тут в таком виде. Неудивительно, что прохожие сразу начали оглядываться.

– Мне нужно сменить костюм, – заявил я, ковыряя волшебный кулон. – Эта штука может что-нибудь сделать?

– Я бы на твоём месте не трогал камень лишний раз, – предупредил Джемулан. – Если превратишься обратно в демона, местные дикари могут неадекватно отреагировать.

– Сам знаю. И я не демон.

Я попытался выпросить у жадного сида хотя бы дубленку – ну чисто чтобы не отсвечивать, – но он наотрез отказал. Оказалось, что его костюм-перевертыш – единое целое. Если одна из его частей отдалится от остальных, то просто растворится в воздухе.

Я уточнил, насколько должна отдалиться часть одежды от целого. Джемулан ответил, что шагов на двадцать. Я пообещал, что так далеко отходить не буду, так что ничто не мешает ему поделиться дубленкой. Однако Джемулан все равно отказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.